

ДЖОЗЕФ ШЕРИДАН
ЛЕ ФАНЮ

*В тусклом
стекле*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Джозеф Шеридан Ле Фаню

В тусклом стекле

«Азбука-Аттикус»

1872

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Ле Фаню Д.

В тусклом стекле / Д. Ле Фаню — «Азбука-Аттикус»,
1872 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-17222-7

Джозеф Шеридан Ле Фаню – выдающийся писатель Викторианской эпохи, в которую его нередко именовали «ирландским Уилки Коллинзом» и «ирландским Эдгаром По», автор множества готических рассказов, повестей и романов, переживших на рубеже XIX–XX веков временное забвение, а затем повторно завоевавших популярность – уже у новых поколений читателей. На страницах сборника «В тусклом стекле» (1872), ставшего последней прижизненно опубликованной книгой Ле Фаню, соседствуют истории о потустороннем возмездии за давний грех – и рассказ о навязчивом наваждении, сводящем с ума добропорядочного обывателя, романтический сюжет о пылкой любви и о таинственной комнате – и легенда о вампире-соблазнителе, на четверть века опередившая «Дракулу» Брэма Стокера. Об этих необыкновенных происшествиях, в которых просматривается явное или скрытое влияние сверхъестественных сил, повествует секретарь доктора Мартина Хесселиуса – врача-психиатра и одного из первых в истории литературы «окультурных детективов»...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17222-7

© Ле Фаню Д., 1872
© Азбука-Аттикус, 1872

Содержание

Зеленый чай	7
Пролог	7
Глава I	9
Глава II	12
Глава III	14
Глава IV	16
Глава V	18
Глава VI	20
Глава VII	22
Глава VIII	24
Глава IX	26
Глава X	28
Заключение	31
Давний знакомый	33
Пролог	33
Глава I	34
Глава II	37
Глава III	39
Глава IV	42
Глава V	45
Глава VI	48
Глава VII	50
Глава VIII	52
Глава IX	55
Постскрипtum издателя	58
Судья Харботтл	59
Пролог	59
Глава I	60
Глава II	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джозеф Шеридан Ле Фаню

В тусклом стекле

*Эти тома автор с чувством глубокой симпатии посвящает своему
давнему другу Бринсли Хоману, эсквайру*

© Л. Ю. Брилова, перевод, 2004, 2019

© О. А. Варшавер, Н. А. Калошина, перевод, 1993, 2019

© С. А. Антонов, примечания, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

Зеленый чай

Пролог

Мартин Хесселиус, врач из Германии

Я получил основательное медицинское образование и собирался практиковать в качестве терапевта или хирурга, но судьба распорядилась иначе. Обе упомянутые области медицины тем не менее интересуют меня по-прежнему. Едва вступив на избранную мной благородную стезю, я вынужден был ее покинуть, и виной тому не лень и не пустой каприз, а крохотная царапина, причиненная анатомическим скальпелем. С потерей двух пальцев, которые пришлось срочно ампутировать, еще можно было бы примириться; главное – ущерб, нанесенный здоровью, ибо с того дня я забыл, что такое хорошее самочувствие; в довершение всего мне нужно было постоянно разъезжать – жить на одном месте хотя бы в течение года доводилось нечасто.

Во время странствий я познакомился с доктором Мартином Хесселиусом и обнаружил в нем свое подобие: бродягу, врача и, более того, страстного энтузиаста медицинской науки. В отличие от меня, однако, он путешествовал по доброй воле, и, хотя в Англии богачом бы его не назвали, почитаться человеком зажиточным (как говаривали в старину) он мог вполне. В то время, когда я увидел его впервые, он был уже немолод, нас разделяло немногим менее тридцати пяти лет.

В лице доктора Мартина Хесселиуса я обрел наставника. Знания его были безграничны, интуиция потрясала. Как никто другой, доктор Хесселиус был способен сделаться кумиром в глазах юного и восторженного поклонника врачебного искусства. Мое восхищение выдержало проверку временем, выстояло против самой смерти, и в выборе объекта почитания я не ошибся – сомнений в этом нет.

Почти двадцать лет я проработал секретарем доктора Хесселиуса. Он оставил на мое попечение огромное количество рукописей; их надлежало привести в порядок, снабдить указателем и отдать в переплет. Любопытно то, как доктор излагает некоторые истории болезни. Можно подумать, что записи принадлежат двум разным людям. Обо всем увиденном и услышанном он повествует от лица человека неглупого, однако не принадлежащего к медицинскому сословию; но, покончив с подобным рассказом и выпроводив пациента через дверь собственного холла на свет божий или же через врата тьмы к обители мертвых, доктор, вновь вооружившись терминологией своей науки, переходит к анализу симптомов, постановке диагноза и прочим ученым рассуждениям.

В бумагах доктора Хесселиуса попадают истории, которые будут интересны не только специалистам-медикам: они способны также послужить развлечению (или устрашению) обычного, далекого от медицины читателя. Нижеследующий рассказ в точности скопирован с записей доктора Хесселиуса, за исключением незначительных поправок, касающихся не сути повествования, а лишь его словесной формы. Само собой разумеется, имена действующих лиц заменены на вымышленные. Рассказчиком является сам доктор. Приводимые заметки выбраны из множества описаний болезни, составленных им шестьдесят четыре года назад, во время поездки в Англию.

Заинтересовавший меня материал изложен в нескольких письмах, адресованных другу доктора, профессору Ван Лоо из Лейдена. Адресат был по профессии не врачом, а химиком, но принадлежал к числу тех людей, которые посвящают свое свободное время изучению самых разнообразных наук: и истории, и метафизики, и медицины. Некогда вышеназванному профессору случилось даже написать пьесу.

Таким образом, рассказ отчасти утрачивает свою ценность как документ, имеющий отношение к медицинской науке, но зато выигрывает в занимательности и способен заинтересовать даже не искушенного в тонкостях врачевания читателя.

Из сопроводительной записки ясно, что письма, по-видимому, были возвращены доктору Хесселиусу после смерти профессора, в 1819 году. Некоторые из них писаны по-английски, другие – по-французски, но большая часть – по-немецки. Сознаю, что мой перевод не заслуживает эпитета «изящный», но в верности оригиналу ему не откажешь. И пусть я позволил себе иные отрывки опустить, иные – подсократить, однако же не присочинил при этом ни слова.

Глава I

Доктор Хесселиус рассказывает о своей первой встрече с преподобным мистером Дженнингсом

Преподобный мистер Дженнингс высок и худ. Он средних лет; в его аккуратности, в старомодной манере одеваться проступает консервативная чопорность. Он держится, разумеется, с подчеркнутым достоинством, но без скованности, – нет, на истукана мистер Дженнингс не походит нисколько. До красавца ему далеко, однако черты лица у него правильные, и запечатлена в них безграничная доброта с примесью робости.

Я впервые увидел мистера Дженнингса однажды вечером у леди Мэри Хейдьюк. Его очевидная скромность и благожелательность располагают к нему людей при первом же знакомстве.

Гостей собралось не много, и мистер Дженнингс внес свой весьма приятный вклад в беседу. Заметно было, что он предпочитает скорее слушать, чем говорить, но речи его всегда уместны по содержанию и отточены по форме. Он ходит в любимцах у леди Мэри, которая, кажется, испрашивает у него совета по самым разным поводам и убеждена, что на свете нет человека счастливее его. Плохо же она его знает!

Преподобный мистер Дженнингс холост и, как говорят, является обладателем шестидесяти тысяч фунтов в государственных бумагах. Он не чуждается благотворительности. Его пламенное желание – подвизаться на церковной ниве, но всякий раз, когда он бывает в Уорикшире, где служит викарием, и может наконец отдаться своему святому призванию, здоровье, обычно его не подводящее, неизменно отказывает, причем весьма странным образом. Об этом мне известно со слов леди Мэри.

Да, несомненно, на мистера Дженнингса находит временами таинственная хвороба, неоднократно настигавшая его даже во время богослужения в чудесной старинной церкви в Кенлисе. Кто знает, где гнездится болезнь: в сердце или в голове. Раз а три-четыре, а то и чаще, отслужив определенную часть священного ритуала, он внезапно замолкал и после некоторой паузы, судя по всему, совершенно неспособный продолжать службу, воздевал к небу глаза и руки в немой молитве, а затем, охваченный непонятным стыдом и ужасом, трепеща, сходил с кафедры и направлялся в ризницу, покинув свою недоумевающую паству на произвол судьбы. Происходили такие сцены всегда в отсутствие помощника священника. В настоящее время, отправляясь в Кенлис, мистер Дженнингс всегда заботится о том, чтобы рядом с ним в храме находилось еще одно лицо духовного звания, готовое в случае надобности принять священное бремя из его ослабевших рук.

Но стоит мистеру Дженнингсу сдать окончательно, покинуть свой приход и возвратиться в Лондон, в свой тесный дом на темной улочке в районе Пиккадилли, он чувствует себя как нельзя лучше; так полагает леди Мэри, а я придерживаюсь на этот счет особого мнения. Ну что ж, будущее покажет.

Мистер Дженнингс – джентльмен с головы до пят. Однако люди замечают в нем некоторые странности. Создается впечатление, что в нем кроется нечто непонятное. В этом отчасти повинно одно обстоятельство, о котором, насколько я понимаю, люди забывают либо просто не придают ему значения. Мне же эта особенность бросилась в глаза, причем почти сразу. У мистера Дженнингса есть манера кидать косые взгляды вниз, на ковер. Можно подумать, что он сопровождает глазами что-то движущееся. Так, разумеется, бывает не всегда, а время от времени. Но достаточно часто, чтобы, как я уже говорил, манеры мистера Дженнингса казались в определенной степени необычными. В этом соскальзывающем вниз взгляде чудятся одновременно и робость, и беспокойство.

Философствующий медик (как Вы, со свойственной Вам любезностью, меня наименовали), который при разработке теории опирается на данные, полученные в ходе своей практической деятельности, посвящает всестороннему изучению указанных данных много больше времени, чем обычный врач, и, соответственно, заметно превосходит этого последнего в том, что касается тщательности и детальности анализа: такой медик незаметно для себя самого приобретает привычку к внимательному наблюдению. Эта привычка сопровождает его повсюду, а объектом такого бесцеремонного, как полагают иные, наблюдения может стать любой, лишь бы имелась хоть малейшая надежда, что полученные таким образом данные вознаградят исследователя за его старания.

Именно упомянутая надежда и воодушевила меня, когда в небольшой приятной компании, собравшейся вечером в доме леди Мэри, я впервые встретил робкого, любезного, но сдержанного джентльмена – преподобного мистера Дженнинга. Разумеется, нижеследующие заметки включили в себя не все, что мне стало известно: детали, интересные лишь специалистам, я здесь не привожу – их можно найти в моих научных трудах.

Должен заметить, что, когда я говорю о «медицинской науке», я (и надеюсь, со временем круг моих единомышленников пополнится) употребляю этот термин в более широком смысле, чем допускает сугубо материалистический подход. Я полагаю, что окружающий нас материальный мир является конечным выражением духовного мира, его порождением и составной частью. Я считаю, что в основе человеческой личности лежит духовное начало, что дух – это организованная материя, но от материи в обычном понимании слова он отстоит столь же далеко, сколь свет или электричество; что физическое тело есть не более чем оболочка и, соответственно, смерть не кладет конец существованию человеческой личности, а всего лишь освобождает ее от физического покрова. Процесс освобождения начинается с того момента, который мы называем смертью, и завершается несколькими днями позднее пробуждением к высшей жизни.

Если поразмыслить над обрисованными выше постулатами, то обнаружится, что они имеют непосредственное отношение к медицинской науке. Однако было бы неуместно приводить здесь аргументы и анализировать следствия этой теории, признаваемой, к сожалению, лишь немногими.

И вот я, по своему обыкновению, тайком, весьма осторожно наблюдал за мистером Дженнингом (думаю, он это заметил) и обнаружил, что он в свою очередь тоже потихоньку наблюдает за мной. Когда же леди Мэри случайно обратилась ко мне по имени, я заметил, что преподобный Дженнингс взгляделся в меня пристальней и после этого минуту-другую пребывал в задумчивости.

Затем, беседуя с одним из присутствующих, я уловил, что мистер Дженнингс не спускает с меня глаз. О причине его интереса ко мне я догадывался. Вскоре он, воспользовавшись удобным случаем, завел разговор с леди Мэри, и я, как это обычно бывает, уже не сомневался, что речь идет о моей персоне.

Священник постепенно перемещался туда, где я стоял, и вскоре между нами завязалась беседа. Когда встречаются два начитанных и много повидавших человека, можно ли сомневаться, что им найдется, о чем поговорить? Привела мистера Дженнинга ко мне отнюдь не случайность. Он знал немецкий и прочел мои «Очерки метафизической медицины» – книгу, которая скорее дает поводы для размышлений, чем устанавливает истины.

Этот весьма учтивый джентльмен, робкий и явно склонный к чтению и философствованию, который, пребывая в нашем кругу, все же казался здесь в определенной мере инородным телом, – этот человек, хранивший, как я начал подозревать, перипетии своего существования в строжайшей тайне не только от света, но и от своих ближайших друзей, осторожно взвешивал в уме ряд идей, имевших касательство ко мне.

Незаметно для него я проник в его мысли и теперь всячески старался усыпить бдительность собеседника, не выдать случайным словом, что у меня зародились кое-какие догадки по поводу как его личных обстоятельств, так и планов, связанных со мной.

После недолгой беседы на общие темы мистер Дженнингс наконец сказал:

– Меня очень заинтересовали, доктор Хесселиус, некоторые ваши работы о метафизической медицине, как вы ее называете. Я их читал на немецком лет десять-двенадцать назад. Они переведены на английский?

– Нет, уверен, что нет, в противном случае я бы об этом знал. Думаю, для перевода требуется мое согласие.

– Около двух месяцев назад я просил здешних издателей достать мне эту книгу в оригинале, на немецком, но мне сказали, что она уже разошлась.

– Да, она действительно уже несколько лет как распродана. Моему авторскому тщеславию льстит, что вы не забыли мою книжечку, хотя, – заметил я с улыбкой, – десять-двенадцать лет – достаточно большой для этого срок. Остается предположить, что либо затрагиваемые в ней предметы являются постоянной темой ваших размышлений, либо какие-то недавние события стали поводом для возобновившегося интереса к моим скромным трудам.

Эти слова и мой пристальный вопрошающий взгляд внезапно повергли собеседника в растерянность, так что он напомнил мне зардевшуюся от смущения девицу. Мистер Дженнингс устался в пол, не зная, куда девать руки, скрестил их на груди, и на мгновение вид у него сделался не только ошеломленный, но прямо-таки виноватый.

Я воспользовался наилучшим способом преодолеть неловкость, а именно притворился, будто не заметил ее вовсе, и как ни в чем не бывало продолжал:

– Случалось, и не однажды, что у меня вновь возникал интерес к какой-либо давно оставленной теме: одна книга наводит на мысль о другой, и часто невольно приходится сломя голову гоняться за материалами, с которыми имел дело лет двенадцать назад. Если вам по-прежнему нужна моя книга, я с радостью исполню ваше желание; у меня осталось два-три экземпляра, и я почту за честь преподнести вам один из них!

– Вы чрезвычайно любезны, – отозвался мистер Дженнингс, мгновенно овладев собой. – А я уж было отчаялся; не знаю, как мне вас благодарить.

– Умоляю, ни слова более. Это, право, такая малость, что и предлагать неловко. Еще одно упоминание о благодарности, и я в порыве самоуничтожения брошу книгу в огонь.

Мистер Дженнингс улыбнулся. Он осведомился, где я остановился в Лондоне, затем мы коротко поговорили о всякой всячине, после чего он удалился.

Глава II

Доктор расспрашивает леди Мэри, и она отвечает

– Я в восторге от вашего викария, леди Мэри! – воскликнул я, как только мистер Дженнингс удалился. – Он много читал, путешествовал, думал, страдал, наконец, так что из него просто обязан был выйти великолепный собеседник.

– Так оно и есть. А самое главное – он очень хороший человек, – ответила мне хозяйка дома. – Я пользуюсь его неоценимыми советами в делах, связанных со школами и прочими моими скромными начинаниями в Долбридже, и он не жалеет усилий, хлопочет, не считаясь со временем, если может быть чем-либо полезен. Вы даже представить себе не можете, сколько в нем доброты, до чего он умен.

– Приятно слышать, что мистер Дженнингс такой замечательный сосед. Я имел случай оценить его как собеседника – скромного, располагающего к себе. А к вашему описанию я тоже, сдастся мне, мог бы кое-что добавить.

– Да что вы говорите!

– Во-первых, он холост.

– Да, верно. Продолжайте.

– Он писал, но теперь не пишет, забросил это занятие, вероятно, года два-три назад. Книга его была посвящена какому-то отвлеченному предмету – возможно, теологии.

– Что ж, он действительно писал книгу; не могу только припомнить о чем, но уж точно не на близкую мне тему, так что, скорее всего, вы правы. А сейчас он в самом деле больше не пишет – сомнений нет.

– И хотя он здесь сегодня не пил ничего, кроме чашечки кофе, он питает слабость к чаю – или, по крайней мере, питал, – и вкус у него экстравагантный.

– Да-да, чистая правда.

– Он пил зеленый чай, причем в больших количествах, – продолжил я.

– Ну и ну! Из-за этого зеленого чая у нас едва не доходило дело до ссор.

– Но сейчас он отказался от этой привычки?

– Да, полностью.

– А теперь еще кое-что. Знали вы его родителей?

– Обоих. Отец его умер всего лишь десять лет назад. Они жили неподалеку от Долбриджа. Мы с ними были в дружеских отношениях, – ответила леди Мэри.

– Далее: либо матери мистера Дженнингса, либо отцу – скорее всего, отцу – являлись призраки.

– Да вы волшебник, доктор Хесселиус!

– Волшебник или не волшебник, но я прав? – спросил я весело.

– Безусловно. Его отец был человек замкнутый и с причудами и вечно досаждал моему отцу пересказом своих снов. В один прекрасный день он поведал очень необычную историю – о том, как ему встретилось привидение, с которым у него завязалась беседа. Этот рассказ особенно запомнился мне по той причине, что я отчаянно боялась мистера Дженнингса-старшего. Дело происходило задолго до его смерти, во времена моего детства. Мистер Дженнингс был человек молчаливый и хмурый. Он имел обыкновение появляться в гостиной в сумерки, когда я сидела там одна. В таких случаях я воображала себе, что вижу выглядывающих у него из-за спины духов.

Я улыбнулся и кивнул.

– Ну а теперь, когда я окончательно утвердился в роли волшебника, пришла пора пожелать вам доброй ночи.

– Но как же вы все это узнали?

– По расположению планет, разумеется, как делают цыгане, – откликнулся я, и мы распрощались на веселой ноте.

На следующее утро я отослал мистеру Дженнингсу его вожаденную книжицу, приложив к ней записку. Вернувшись домой вечером, я узнал, что мистер Дженнингс наведывался сюда в мое отсутствие и оставил свою визитную карточку. Он осведомлялся, дома ли я и когда меня можно застать.

Не намеревался ли он рассказать о том, что его беспокоит, и испросить моих медицинских услуг? Надеюсь, так оно и было. Я уже успел подобрать ключ к тайне его личности. Сведения, полученные мной от леди Мэри в тот вечер, немало этому поспособствовали. И мне очень хотелось услышать подтверждение своих догадок из уст самого мистера Дженнингса. Но как побудить его к откровенности, не выходя при этом за рамки приличия? Крайне сложно. Вероятно, он и сам подумывает о беседе по душам? Сделаю все, чтобы дать ему такую возможность, и для этого, дорогой мой Ван Лоо, я намерен нанести ему завтра визит. Это будет не более чем ответная любезность с моей стороны. Таким путем я надеюсь приблизиться к цели. Удастся мой замысел или нет, об этом я вас извещу.

Глава III

Доктор Хесселиус извлекает некоторые сведения из латинских книг

Ну так вот, я побывал на Бланк-стрит. Из разговора в дверях со слугой я узнал, что мистер Дженнингс в настоящую минуту занят: беседует с неким священнослужителем из Кен-лиса (прихода мистера Дженнингса). Чтобы сохранить за собой возможность явиться еще раз, я сказал, что зайду в другое время, и намеревался уже удалиться, когда слуга извинился и, окинув меня взглядом несколько более внимательным, чем пристало человеку его положения, спросил, не я ли доктор Хесселиус. Получив утвердительный ответ, слуга сказал: «Раз так, сэр, то не разрешите ли мне доложить об этом мистеру Дженнингсу, поскольку он, как мне известно, очень желает вас видеть?»

Слуга скоро вернулся и сообщил, что мистер Дженнингс просит меня подождать в его кабинете (который заменяет гостиную), где он через несколько минут ко мне присоединится.

Комната действительно заслуживала названия кабинета, даже более того – библиотеки. Высокий потолок, два высоких окна, пышные темные гардины. Помещение оказалось значительно обширней, чем можно было ожидать, и всюду, от пола до потолка, громоздились книги. Верхний ковер – а я, вступив на него, почувствовал, что под ним имеется еще один, а то и два, – турецкий. Ноги мои ступали совершенно беззвучно. Узкие окна из-за соседних книжных шкафов оказывались в глубоких нишах. А в целом комната, очень уютная, даже роскошная, выглядела мрачноватой. Добавьте сюда еще нерушимую тишину, и впечатление получится едва ли не тягостное. Впрочем, на мое тогдашнее расположение духа влияли, вероятно, еще и какие-то побочные факторы. Преподобный Дженнингс казался мне человеком необычным, и в этом на редкость безмолвном доме, на пороге абсолютно беззвучной комнаты, я был охвачен неким особым предчувствием. Полумрак, заполнившие все вокруг книги (кроме них на стенах висели только два узких зеркала) не располагали к бодрости.

В ожидании мистера Дженнингса я от нечего делать стал рассматривать книги на полках. Среди книг, стоявших корешками вверх на полу под полками, я неожиданно обнаружил полное издание «Arcana Cælestia»¹ Сведенборга. Это были очень красивые тома in folio² в аккуратных кожаных переплетах, приличествующих богословскому сочинению, с золочеными надписями и пунцовым обрезом. В нескольких имелись закладки. Один за другим я взгромоздил фолианты на стол и, открыв заложенные страницы, прочел высказывания на величавой латыни, которые были отмечены на полях карандашом. Некоторые из них, в переводе на английский, я привожу ниже.

«Когда открыто внутреннее око человека, око его души, тогда ему являются вещи, принадлежащие к иному миру, обычному зрению недоступные...

Мне дано было узреть внутренним оком потусторонний мир яснее, чем я вижу здешний. Это свидетельствует о том, что внешнее зрение происходит от внутреннего, а последнее в свою очередь от еще более глубокого, и так далее...

Каждого человека сопровождает не менее двух злых духов...

Духи зла и в речах проворны, но при этом язык их резок и суров. Однако не всем их речам присущи бойкость и напор: в некоторые из них порочные мысли вкраплены едва заметно.

Те злые духи, что сопутствуют человеку, суть выходцы из ада, однако в аду более не пребывают, но исторгнуты оттуда. Их место при этом между небесами и преисподней, и зовется

¹ «Небесные тайны» (лат.).

² В полный лист (лат.).

оно миром духов. Духи, вселившиеся в человека, будучи в названном мире, от адских мук удалены, но разделяют все без изъятия помыслы и страсти человека, а следственно, и в наслаждениях с ним едины. Ввергнутые же снова в ад, они возвращаются к тому, чем были ранее...

Когда бы злым духам дано было постичь, что, связанные с человеком, они имеют притом отдельное от него существо, когда бы в их власти было перемещаться в его теле и проникать в его различные члены, то они бы измыслили тысячу способов повредить человеку, ибо в них живет лютая к нему ненависть...

И вот, зная, что я есть человек, облеченный телом, они не оставляли попыток сокрушить меня, и не только тело мое, а первое всего душу, ибо вовлечь в погибель человека ли, духа ли есть величайшая радость для посланцев ада, однако Господь неизменно оборонял меня. Узрите же, сколь опасно человеку иметь общение с духами, если не укрывает его твердыня веры...

Сопутствование человеку – старательнее всего хранимая от духов тайна; иначе, прознав об этом, они бы обратили к нему злонамеренные речи, желая погубить его...

Излюбленное услаждение адских сил – вредить человеку и увлекать его к вечной гибели».

Я обратил внимание на длинную запись в конце страницы, сделанную остро отточенным карандашом. Аккуратный почерк принадлежал мистеру Дженнингсу. Ожидая увидеть комментарии к тексту, я прочел несколько слов и остановился в удивлении, ибо обнаружил нечто совершенно иное. Записи начинались словами: «Deus misereatur mei» – «Господи, сжался надо мной». Убедившись таким образом, что едва не вторгся в тайники чужой души, я отвел глаза, захлопнул книгу и поставил на прежнее место все тома, за исключением одного, заинтересовавшего меня, в который, как и пристало книжнику и отшельнику, ушел с головой, забыв даже думать об окружающем мире и о том, где сейчас нахожусь.

Я читал страницы, где речь идет об «олицетворениях» и «соответствиях» (таковы термины, употребляемые Сведенборгом), и дошел до того места, где говорится, что злой дух глаз любого существа, ему не родственного, предстает, по закону соответствия, в образе свирепого и ужасного зверя (fera), олицетворяющего те вожеления, которые ему присущи. Тема трактуется подробно, с описанием многих разновидностей этих зверей.

Глава IV

Книгу читали двое

Я читал, водя краем пенала по строчке, и вдруг что-то заставило меня поднять глаза.

Прямо передо мной в одном из уже упомянутых зеркал отражалась высокая фигура моего друга, мистера Дженнингса, который, склонясь над моим плечом, углубился в чтение той же страницы, что и я. Лицо его, мрачное, искаженное волнением, трудно было узнать.

Я повернулся к нему и встал. Он тоже выпрямился и, с усилием изобразив улыбку, проговорил:

– Я вошел, поздоровался, но вас было не оторвать от книги, поэтому я не удержался от любопытства и позволил себе – боюсь, бесцеремонно – взглянуть, что вы читаете. Вам ведь довелось уже много ранее ознакомиться с трудами Сведенборга?

– Да, разумеется! Сведенборгу я обязан многим, следы его влияния вы обнаружите в той книжке о метафизической медицине, к которой вы проявили столь лестный для меня интерес.

Какие старания ни прилагал мой собеседник в попытках изобразить беззаботность, по его слегка порозовевшему лицу я понял, что он взволнован.

– Едва ли это мне по плечу, я ведь плохо знаю Сведенборга, – ответил он. – Эти тома я приобрел недели две назад. Как мне показалось – судя по той малости, что я успел прочесть, – они способны повергнуть в трепет человека, ведущего уединенную жизнь. Я не хочу сказать, что это произошло со мной, – добавил он с улыбкой. – Весьма признателен за книгу. Надеюсь, вы получили мою записку?

Я произнес все те фразы, какие диктовались вежливостью и скромностью.

– Еще ни одна книга не задевала меня за живое так, как эта, – продолжал Дженнингс. – Я заметил сразу: за ней стоит нечто большее, чем изложено на бумаге. Вы знакомы с доктором Харли? – спросил он внезапно.

(Между прочим замечу, что так звался один из наиболее выдающихся врачей, практиковавших в Англии. – *Издатель.*)

Я успел познакомиться с доктором Харли и, поскольку имел к нему рекомендательные письма, удостоился в высшей степени любезного приема. Кроме того, пока я был в Англии, он оказал мне немалые услуги.

– Большого дурня мне, пожалуй, встречать не доводилось, – отрезал мистер Дженнингс.

Впервые я слышал от него такое резкое высказывание, да еще по поводу столь уважаемой особы. Я слегка опешил:

– В самом деле? А в чем это проявляется?

– В профессиональной области.

Я улыбнулся.

– Я вот что имею в виду, – продолжал он. – Мне представляется, что он наполовину слеп. То есть половина того, что он видит, окутана тьмой, другая же ясна и до неправдоподобия прозрачна. И хуже всего то, что такое восприятие он культивирует в себе *намеренно*. Мне его не понять: он постоянно уваливает. Я немного знаю Харли как врача, но в области медицины меня тянет сравнить его с паралитиком: мозг его наполовину мертв. Как-нибудь при случае – а таковой непременно представится, – я расскажу вам об этом во всех подробностях, – говорил Дженнингс с легкой дрожью в голосе. – Насколько мне известно, вы собираетесь пробыть в Англии еще не один месяц. Если в это время мне придется ненадолго отлучиться из города, не разрешите ли побеспокоить вас письмом?

– Буду счастлив, – заверил я.

– Весьма признателен. В Харли я разочаровался совершенно.

– Он склоняется в сторону материалистической школы, – заметил я.

– Материалист до мозга костей, – поправил меня Дженнингс. – И передать не могу, как раздражает такая позиция тех, кто мыслит глубже. Пожалуйста, не говорите никому из наших общих знакомых, что я захандрил. Я держу в тайне от всех, даже от леди Мэри, что обращался к доктору Харли, да и вообще к врачам. Так что прошу вас: ни слова об этом. В случае приближения приступа я напишу вам, если разрешите, а будучи в городе, обращусь напрямую.

В моей голове роились всевозможные догадки, и я невольно устремил на священника испытующий взгляд. Дженнингс на миг опустил глаза и произнес:

– Вы, без сомнения, раздумываете над вопросом, почему бы мне теперь же не сообщить вам, в чем дело, или строите гипотезы на этот счет. Можете ломать голову хоть до второго пришествия – это бесполезно.

Он покачал головой, и по его лицу солнечным лучиком мелькнула улыбка, но внезапно она скрылась за набежавшим на нее облаком, и мистер Дженнингс сквозь стиснутые зубы набрал в легкие воздух: так вдыхают люди, испытывающие сильную боль.

– Печально слышать, что вам приходится опасаться за свое здоровье; если понадобится помощь врача, обращайтесь ко мне в любую минуту. Излишне добавлять, что я не злоупотреблю вашим доверием.

Тут мистер Дженнингс перевел разговор на совершенно иные темы, и вскоре я довольно весело откланялся.

Глава V

Доктор Хесселиус получает приглашение в Ричмонд

Хотя расстались мы на мажорной ноте, но ни он, ни я к веселью расположены не были. Пусть я врач и нервы мои закалены, но иногда бывает так, что выражение человеческого лица – этого зеркала души – выводит меня из равновесия. Взгляд мистера Дженнингса преследовал меня; он настолько потряс мое воображение, что пришлось отказаться от прежних планов на вечер и отправиться в оперу, дабы развеяться.

Дня два или три я не получал известий ни от Дженнингса, ни о нем, а затем мне вручили довольно бодрую, исполненную надежд записку. Там было сказано, что ему в последние дни стало значительно лучше, – можно сказать, он совсем здоров, а потому намерен на месяц-другой вернуться в свой приход и посмотреть, что из этого получится. Он не устает благодарить небо за свое – как надеется – выздоровление.

Через день-другой я увиделся с леди Мэри, и она подтвердила то, о чем говорилось в записке. Леди Мэри сказала, что мистер Дженнингс в настоящее время находится в Уорикшире – вновь приступил к выполнению своих пасторских обязанностей в Кенлисе. Она добавила: «Я начинаю верить, что мистер Дженнингс абсолютно здоров, да и прежде не страдал ничем, кроме нервов и воображения. У нас у всех нервы не в порядке, но, думаю, от такого недуга есть средство: работа. К нему он и обратился. Не удивлюсь, если мы еще год его здесь не увидим».

И все же двумя днями позже я держал в руках письмо, посланное мистером Дженнингсом из его дома вблизи Пиккадилли:

«Дорогой сэр!

Я снова в Лондоне. Мои надежды обернулись ничем. Если буду в силах увидеться с Вами, то отправлю письмо с просьбой зайти ко мне. Теперь же я слишком плох – попросту не способен рассказать Вам все, что мне хотелось бы. Прошу, не упоминайте обо мне в разговорах с моими знакомыми. Я сейчас не в состоянии ни с кем видаться. А Вам я, с Божьей помощью, вскоре еще дам о себе знать. Пока что я собираюсь ненадолго съездить в Шропшир, к родным. Храни Вас Господь! По возвращении надеюсь встретиться с Вами, и пусть встреча наша окажется более радостной, чем это письмо».

Неделей позже я наведлся к леди Мэри. Лондонский сезон подошел к концу, поэтому все знакомые леди Мэри, по ее словам, уже разъехались, а она сама намеревалась со дня на день отправиться в Брайтон. Леди Мэри сказала, что получила из Шропшира известие – от племянницы Дженнингса, Марты. Из письма она поняла только, что мистер Дженнингс чем-то обеспокоен и пребывает в подавленном настроении. Здоровые люди не принимают такие слова всерьез, но какие же муки таятся за ними иной раз!

В дальнейшем новостей о мистере Дженнингсе долго не поступало. Лишь на исходе пятой недели я получил от него письмо. Вот что там было сказано:

«Я жил за городом, сменил климат, обстановку, окружение – сменил все, кроме *самого себя*. Я решил – я преисполнен решимости – все Вам рассказать. Если это не нарушит Ваши планы, жду Вас у себя сегодня, завтра или послезавтра, но умоляю, приходите как можно скорее. Вы и представить себе не можете, как я нуждаюсь в Вашей помощи. У меня есть дом в Ричмонде, в тихом месте. Там я теперь и нахожусь. Надеюсь, Вы найдете время пообедать со мной, или позавтракать, или даже попить чаю. Найти меня проще простого. Слуга с Бланк-стрит, который доставит эту записку, будет ждать у Ваших дверей в коляске в любой удобный для Вас час, я же всегда на месте. Вы скажете, конечно, что мне не следует оставаться в одиночестве. Но я перепробовал все. Приходите и убедитесь сами».

Я позвал слугу и сказал, что собираюсь к мистеру Дженнингсу в тот же вечер.

Вечером, когда я по короткой сумрачной аллее из вязов подъезжал к старомодному кирпичному дому, затененному и почти совсем скрытому густой листвой, мне подумалось, что лучше бы мистер Дженнингс остановился в меблированных комнатах или в гостинице. Избрав это место, такое унылое и безмолвное, он поступил необдуманно. Дом, как я узнал, принадлежал мистеру Дженнингсу. Проведя день или два в городе, но решив почему-то, что оставаться там долее ему нелегко, мистер Дженнингс прибыл сюда. Объяснялся этот переезд, вероятно, тем, что здесь он жил на всем готовом, был предоставлен сам себе и свободен от необходимости думать и принимать решения.

Солнце уже село, и с запада струился красноватый рассеянный свет, какой бывает только вечером, – зрелище, знакомое каждому. В холле было совсем темно, но в дальнюю гостиную, окна которой выходили на запад, проникал все тот же сумеречный свет.

Я сел и устремил взгляд в окно: деревья, в изобилии росшие окрест, были залиты медленно меркнувшим заревом, величественным и печальным. В углах комнаты уже сгустились тени; очертания предметов начали расплываться, сумрак постепенно проникал и в мое воображение, готовое к встрече с чем-то зловещим. Так я дожидался в одиночестве, пока не явился мистер Дженнингс. Открылась дверь передней комнаты, и, плохо различимая в красноватом вечернем освещении, показалась его высокая фигура. Он вошел неспешно, крадущимися шагами.

Мы обменялись рукопожатием, и Дженнингс уселся рядом со мной у окна, где было еще достаточно светло, чтобы видеть лица друг друга. Он тронул меня за рукав и, минуя околичности, сразу же приступил к рассказу.

Глава VI

Как мистер Дженнингс впервые обнаружил, что он теперь не один

Перед нами на западе слабо светился небосклон, величаво раскинулись безлюдные в те дни леса Ричмонда, а вокруг сгущался сумрак, и на неподвижном лице моего собеседника (оставаясь добрым и ласковым, оно все же изменилось: увидев его, вы сказали бы, что это лицо страдальца) покоился случайный тусклый отблеск вечерней зари; бывает так, что это неяркое сияние внезапно выхватывает из тьмы какой-нибудь предмет и на его поверхности мгновенное-другое пляшут неотчетливые светлые блики. Тишина не нарушалась ничем – ни дальним громыханием экипажа, ни лаем собаки. Внутри дома также царило безмолвие – уныние холостяцкого жилища, которое посетила болезнь.

Вглядываясь в это искаженное мукой лицо, странно рдевшее на фоне темноты и похожее на портрет кисти Схалкена, я догадывался, какого рода историю мне предстоит услышать, но о конкретных подробностях не имел ни малейшего представления.

– Началось это, – произнес мистер Дженнингс, – пятнадцатого октября, тому назад три года, одиннадцать недель и два дня. Я веду точный счет, ибо каждый новый день приносит новую муку. Если вы заметите, что я упустил в своем рассказе какую-нибудь существенную подробность, скажите об этом сразу... Года четыре назад я приступил к работе, ради которой мне пришлось очень много читать и размышлять. Посвящена она была религиозной метафизике древних.

– Как же, – вставил я, – религия просвещенного, философствующего язычества, не имеющая ничего общего с идолопоклонством. Широкое и весьма интересное поле для исследований.

– Да, но опасное для разума – я имею в виду разум христианина. Язычество – единая система, включающая в себя все аспекты мировосприятия. Языческая вера вовлекает в свой порочный круг и искусство, в котором как стиль, так и предмет представляют собой не что иное, как коварное, погибельное прельщение. Господи помилуй!

Я писал и писал, я засиживался за этим занятием допоздна. Я обдумывал тему своей работы везде и всюду, куда бы ни занесли меня ноги; я пропитался ею до мозга костей. Вспомните материальную культуру язычества: в ней всегда в той или иной степени присутствует красота. Язычество восторгает и увлекает; оно заставило меня забыть об осторожности. – Он тяжело вздохнул. – Я полагаю, каждый ученый, пишущий серьезное исследование, работает, как выразился один мой приятель, *на чем-нибудь*: чае, к примеру, кофе или табаке. Мне кажется, при этом мы расходует определенный материал, который должен время от времени восполняться, или же ударяемся за философскими занятиями в абстракции, и разум чересчур высоко воспаряет над телом, если не напоминать ему о связи с бранным миром при помощи каких-либо ощущений. Во всяком случае, я испытывал подобную потребность и удовлетворял ее. Моим помощником стал чай: сперва самый обычный, черный и не слишком крепкий, но пил я его в больших количествах, а со временем еще увеличил концентрацию. Никаких неприятных последствий я не испытывал. Потом принялся за зеленый чай и нашел, что он приятней: проясняет мысли и обостряет ум. Я стал пить его часто, но обычной крепости, дающей наилучший вкус. Работал я в Ричмонде, благо обстановка здесь такая спокойная. Я засиживался и писал допоздна, как раз в этой комнате, и по привычке все попивал чай – зеленый чай. Я готовил его прямо на столе, в металлическом чайничке, который подвешивал над лампой. Между одиннадцатью и двумя или тремя часами ночи, когда наступала пора ложиться спать, я устраивал чаепитие раза два-три. В городе я бывал каждый день. Я не монах и на бирюка, насколько

могу судить, не похож ничуть. Час-другой мне приходилось проводить в библиотеке, отыскивая необходимые сведения и цитаты из сочинений авторитетных специалистов, но, кроме того, я, по своему обыкновению, часто встречался с друзьями и с удовольствием проводил время в их обществе – короче, наслаждался жизнью, как никогда ранее.

Я свел знакомство с владельцем нескольких редких старинных книг, изданных в Германии на средневековой латыни, и почитал себя счастливым оттого, что могу подержать их в руках. Мой благодетель жил в Сити, в отдаленном квартале. Однажды я засиделся у него дольше обычного. Выйдя на улицу и не увидев поблизости ни одного кеба, я поддался искушению сесть в омнибус, который ходил вблизи моего дома. Когда омнибус достиг одного старого здания (вы, возможно, обратили на него внимание, там с обеих сторон от двери растет по четыре тополя), было уже темно – темнее, чем сейчас. Со мной вместе вошел единственный, за исключением меня самого, пассажир. Мы поехали быстрее. Были сумерки. Я удобно устроился в уголке у двери и предался приятным раздумьям.

Внутри омнибуса было почти совсем темно. В углу напротив, в передней части салона, я заметил два кругляшка, светившихся красноватым отраженным (как мне показалось) светом. Расстояние между ними составляло около двух дюймов. Они напоминали две медные пуговицы, какие нашивают на свои кители яхтсмены. Я принялся лениво размышлять об этой, как я полагал, безделице. Из какого источника струится этот густо-красный, хотя и неяркий свет и в чем он отражается: в стеклянных бусинах, пуговичках, безделушке? Омнибус все ехал, слегка погромыхая, до моего дома оставалось около мили. Я еще не разрешил загадку, и вскоре мне показалось, что она труднее, чем я думал вначале, так как две светящиеся точки, внезапно дернувшись, переместились ближе к полу, оставаясь по-прежнему на одной высоте, да и расстояние между ними не изменилось. Потом они вдруг взлетели до уровня моего сиденья и исчезли из виду.

Тут любопытство разобрало меня по-настоящему, но не успел я поразмыслить, как снова увидел два тусклых огонька, и опять у самого пола. Вновь они исчезли и затем появились в том же углу, что и прежде.

Не сводя глаз с этих крохотных красных кружков, я стал потихоньку продвигаться к ним поближе.

В омнибусе было слишком мало света. Я склонился вперед, пытаясь разглядеть, что же это за огоньки. Притом и светящиеся пятнышки чуть придвинулись ко мне. Я начал различать очертания какого-то темного предмета и вскоре увидел достаточно ясно, что это небольшая черная обезьянка, которая тянула мордочку мне навстречу. Заинтересовавшие меня кружки оказались ее глазами, и мне почудилось, что она скалит зубы.

Я отпрянул, опасаясь, что обезьяна прыгнет на меня. Оставалось предположить, что кто-то из пассажиров по рассеянности забыл здесь этого уродца. Желая разведать, как настроено животное, но не решаясь воспользоваться для этого своей пятерней, я осторожно ткнул зверя зонтиком. Обезьяна не шевельнулась, а зонтик прошел *сквозь* нее. Да, зонтик проходил насквозь, туда и обратно, не встречая ни малейшего сопротивления.

Я бессилен дать вам понятие о том ужасе, какой тогда испытал. Убедившись, что передо мной иллюзия (как я тогда решил) и мне нельзя уже доверять своим собственным глазам, я был испуган настолько, что несколько мгновений не мог отвести взгляд от глаз зверя. Я все смотрел, а животное немного отскочило и забилося в угол. В панике, сам не помню каким образом, я очутился у двери и, высунув голову наружу, принялся глотать воздух. Глядя на стоявшие вдоль дороги деревья и фонари, я с радостью убедился, что реальность все еще существует.

Я остановил омнибус и вышел. Когда я расплачивался, кондуктор окинул меня пристальным взглядом. Надо полагать, он усмотрел нечто необычное в моей внешности и манере держаться, и это неудивительно: ни разу в жизни я не чувствовал себя столь странно.

Глава VII

Странствие: стадия первая

Когда омнибус укатил, я очутился на дороге один и принялся внимательно осматриваться, опасаясь, что обезьяна последовала за мной. К своему несказанному облегчению, я ее не обнаружил. Не могу вам передать, какое потрясение я в тот день испытал и как возблагодарил небеса, когда решил, что избавился от призрака.

Я вышел из омнибуса слишком рано: до дома оставалось еще две-три сотни шагов. Вдоль пешеходной дорожки тянется кирпичная стена, за стеной – изгородь из тиса или другого темного вечнозеленого растения, а еще дальше выстроились в ряд красивые деревья – вы их, вероятно, заметили, когда добирались сюда.

Кирпичная стена доходит мне до плеча. Случайно подняв глаза, я обнаружил обезьяну, которая на четвереньках ковыляла или кралась по стене, не отставая от меня ни на шаг. Я застыл на месте, охваченный ужасом и отвращением. Она тоже остановилась и села, положив свои длинные лапы на колени и сверля меня взглядом. Видны были только ее очертания: тьма скрадывала детали, но черному фону все же не хватало густоты, чтобы необычное свечение обезьяньих глаз стало заметным. Однако я различал эти неяркие красные огоньки. Обезьяна не скалила зубы, не проявляла никаких признаков раздражения; вид у нее был угрюмый и вялый, и она не спускала с меня глаз.

Я отпрянул и оказался на середине дороги. Это движение было невольным. Я стоял там и смотрел на обезьяну. Она сидела неподвижно.

Инстинкт подталкивал меня сделать хоть что-нибудь. Я развернулся и быстро пошел в сторону города, краем глаза следя за животным. Оно поспешило за мной.

Там, где у поворота дороги стена кончается, обезьяна соскочила на землю, двумя прыжками догнала меня и по-прежнему держалась ко мне вплотную, как привязанная, хотя я и прибавил шаг. Она жалась к моей левой ноге, и мне казалось, что я вот-вот на нее наступлю.

На дороге было пусто и тихо, тьма сгущалась с каждой минутой. Испуганный и растерянный, я остановился и повернулся кругом, в сторону дома. Пока я стоял неподвижно, обезьяна отделилась ярдов на пять-шесть и, не сходя с места, наблюдала за мной.

Не подумайте, что я воспринимал происходящее хладнокровно. Мне, как и всем прочим, доводилось, конечно, читать о «фантомных иллюзиях», как окрестили это явление ваши коллеги-врачи. Я понял, с чем имею дело, и осознал, что случилась беда.

Подобного рода болезни, как пишут специалисты, бывают кратковременными, но могут принять и затяжной характер. Я читал о случаях, когда видение, вначале безобидное, постепенно превращалось в столь ужасное, что нервы жертвы не выдерживали. Стоя на дороге в полном одиночестве (если не считать моего хвостатого спутника), я вновь и вновь успокаивал себя словами: «То, что ты видишь, вызвано болезнью, самым обычным заболеванием, вроде оспы или невралгии. Так утверждают все медики, а философы подкрепляют их суждение доказательствами. Не будь глупцом. Ты ложишься спать под утро, пищеварение у тебя вконец расстроено. Вылечишь свою нервную диспепсию, и, с Божьей помощью, все встанет на свои места». Верил ли я тому, что говорил? Ни единому слову, подобно всем другим несчастным, попавшим до меня в те же адские сети. Я напускал на себя ложную храбрость, наперекор тому, что чувствовал, более того – знал.

Я двинулся в обратный путь. Пройти предстояло всего лишь несколько сотен ярдов. Я принудил себя смириться со своим несчастьем, но оправиться от потрясения не сумел.

Ночь я решил провести дома. Зверь наступал мне на пятки, и мне припомнилось, как ведет себя уставшая лошадь или собака, когда ее тянет домой.

Пойти в город я побоялся. Я опасался встретить знакомых, так как понимал, что мне не скрыть своего волнения. Кроме того, отправиться сейчас куда-нибудь развлекаться или бродить, пока не доведу себя до изнеможения, значило чересчур круто изменить свои привычки. Обезьяна выждала у двери, пока я не поднялся по ступенькам, а когда открылась дверь, вошла следом за мной.

В тот вечер я не пил чаю. Я заменил его сигарами и бренди, разведенным водой. Замысел мой заключался в том, чтобы попытаться воздействовать на свой организм путем отказа от привычек, а именно некоторое время пожить ощущениями и поменьше рассуждать. Я поднялся сюда, в гостиную. Сел там же, где сижу сейчас. Обезьяна взобралась на столик, стоявший тогда вон там. Вид у нее был пришибленный и вялый. Я не знал, чего ожидать, и потому глядел на нее неотрывно. Она тоже смотрела на меня. Я различал блеск ее полуприкрытых глаз. Она не спит никогда и вечно сверлит меня взглядом. Так бывает всюду и всегда.

Остаток того вечера я не стану живописать в подробностях. Расскажу-ка лучше о том, как прошел весь первый год. Ведь протекал он довольно однообразно. Опишу, как выглядит обезьяна при дневном свете. Какие странности мне доводится наблюдать ночью, я поведаю позже. Это некрупная обезьянка, черная с головы до пят. Обращает на себя внимание лишь одно: сквозящая в ее облике злобность, поистине безграничная. В тот год она выглядела слабой и больной. Но под покровом хмурой апатии всегда проступала неослабевавшая враждебность. Все это время обезьяна держалась так, будто поставила себе целью наблюдать, но в то же время причинять как можно меньше беспокойства. Она не сводила с меня глаз и была рядом постоянно, при свете и в темноте, днем и ночью. Избавлял меня от нее только сон, а еще, случалось, она исчезала на несколько недель подряд, непонятно почему.

В потемках она видна не хуже, чем днем. Я говорю не только о глазах. Ее окружает ореол, напоминающий свечение тлеющих угольков. Он следует за ней неизменно.

Ее временному исчезновению предшествуют каждый раз одинаковые обстоятельства. Происходит это всегда ночью, в темноте. Обезьяна проявляет сперва признаки беспокойства, затем – ярости; она наступает на меня со сжатыми кулаками, гримасничая и трясясь, вслед за тем в камине появляется пламя. Я никогда не развожу огня в камине: мне не заснуть, если в спальне топится камин. Обезьяна, дрожа от ярости, подбирается все ближе к огню. Ее бешенство достигает наконец предела, и тогда она прыгает в камин и исчезает в каминной трубе.

Когда описанная сцена разыгралась в первый раз, я решил, что наступило избавление. Я почувствовал себя другим человеком. Прошел день, ночь – обезьяна не возвращалась. Неделя блаженства, другая, третья. Я не уставал благодарить небеса. Миновал месяц свободы, и внезапно обезьяна вернулась.

Глава VIII

Стадия вторая

Обезьяна вновь стала моим спутником, и злоба ее, дотоле дремавшая, пробудилась. Во всем прочем обезьяна оставалась прежней. Непривычная агрессивность поначалу проявлялась в ее движениях и облике, а затем нашла себе новый выход.

Первое время, знаете ли, бросались в глаза только возросшая живость и угрожающий вид обезьяны, словно в ней все время зрел какой-то людоедский замысел. И она по-прежнему не спускала с меня глаз.

– А где она сейчас? – спросил я.

– Сейчас ее нет, – отвечал мой собеседник, – она отсутствует уже ровно две недели и один день. Временами я не вижу ее месяца по два, однажды даже три. Она пропадает каждый раз самое малое на две недели, пятнадцать дней – это наименьший срок. Раз пятнадцать дней прошло, она может вернуться в любую минуту.

– А что бывает, когда обезьяна возвращается?

– Ничего особенного. Просто она опять преследует меня повсюду. Стоит отвести взгляд от книги или повернуть голову, и я снова вижу, как она за мной наблюдает, и до поры до времени от нее уже не избавиться. До сегодняшнего дня я никому об этом не рассказывал так подробно.

Я обратил внимание на то, что мистер Дженнингс возбужден, бледен как смерть и непрерывно подносит ко лбу платок. Мне показалось, что он утомился, и я предложил зайти к нему завтра утром еще раз, но он ответил:

– Я бы предпочел, чтобы вы выслушали меня сегодня, если вам не трудно. Рассказ уже подходит к концу, так что лучше разделаться с ним побыстрее. Доктор Харли не стал слушать все эти подробности. Но вы не просто врач, вы философ. Вы отводите душе то место, которое ей подобает. Если это не видение, а реальность...

Он примолк, устремив на меня беспокойный, испытующий взгляд.

– В свое время мы это обсудим, и очень подробно. Я скажу вам все, что думаю по этому поводу, – пообещал я.

– Меня это радует. Так вот, если то, что я видел, реальность, то она берет надо мной верх; мою душу гложет адская мука. Оптические нервы, сказал доктор Харли. Будто нет других каналов восприятия! Помогите мне, Боже всемогущий! Так слушайте.

Со временем обезьяна обретала все новые опасные способности. Ее злоба переросла в агрессивность. Около двух лет назад, когда некоторые разногласия, разделявшие нас с епископом, были улажены, я переехал в свой приход в Уорикшире, намереваясь всецело отдаться пастырским обязанностям. И тут случилось происшествие совершенно непредвиденное, хотя, поразмыслив, я пришел к выводу, что чего-то подобного следовало ожидать. Я говорю так вот почему...

Заметно было, что каждое слово дается теперь мистеру Дженнингсу с трудом. Он часто вздыхал, и временами казалось, что силы его на исходе. Но волноваться он перестал и походил на больного, изнемогшего в борьбе со смертью.

– Однако прежде всего надобно рассказать вам о моем приходе, Кенлисе.

Когда я добирался отсюда в Долбридж, обезьяна была рядом. Она сопровождала меня во время поездки и ходила за мной по пятам в Кенлисе. Когда я приступил к выполнению своих обязанностей, с этой тварью произошла еще одна перемена. Она явно вознамерилась всячески мне мешать. Она была моим спутником повсюду: у аналая, на кафедре, подле дарохранилища. Дошло до того, что она вспрыгивала на открытую Библию и сидела там, из-за чего я не в состоянии был прочесть ни строчки. Случалось это неоднократно.

Я временно покинул Долбридж. Мне пришлось полностью довериться доктору Харли и покорно исполнять все его предписания. Он провел немало времени, размышляя над моей болезнью. Видно, мой случай показался доктору Харли интересным. Вначале лечение шло успешно. Почти на три месяца я был избавлен от своей мучительницы и считал уже, что спасен окончательно. С разрешения врача я вернулся в Долбридж.

Ехал я в почтовой карете. Я был в отменном настроении, более того – счастлив и преисполнен благодарности. Я возвращался в свой приход исцеленным (как тогда казалось), и мне не терпелось приступить к службе. Вечер был ясный и теплый, в природе царила радостная безмятежность. Помню, какое ликование переполнило мою душу, когда наконец между деревьями мелькнул шпиль кенлисской церкви. На подъезде к Кенлису церковная башня впервые оказывается на виду как раз в том месте, где пересекает дорогу небольшая речка, служащая границей прихода. Речушка протекает под землей, забранная в трубу, а там, где она на краю дороги является на поверхность, установлен камень со старинными письменами. Когда мы миновали эту точку, я откинулся на спинку сиденья и тут же обнаружил в углу кареты обезьяну.

На миг я ощутил приближение обморока, а вслед за тем меня охватил ужас. Я окликнул кучера, вышел из кареты, сел на обочину и предался немой молитве. Спокойствие отчаяния снизошло на меня. В свой приход я возвратился не один, а со спутником. Все та же напасть, что и раньше, после краткой борьбы одолела меня. Вскоре я покинул Кенлис.

Я уже говорил вам, – продолжал мистер Дженнингс, – что эта тварь стала временами проявлять агрессивность. Немного поясню. Когда я произносил молитву и даже когда мысленно обращался к Богу, обезьяну охватывала невероятная злоба. Кончилось тем, что она стала меня прерывать. Вы спросите, каким образом безъязыкий, бестелесный призрак добивался своего? Дело в том, что всякий раз, когда я мысленно возносил молитву, обезьяна оказывалась передо мной, все ближе и ближе.

Она вспрыгивала на стол, на спинку стула, на каминную полку и принималась медленно раскачиваться из стороны в сторону, не спуская с меня глаз. Эти однообразные движения непонятным образом рассеивали мысли и поглощали внимание, и вскоре я обнаруживал, что голова моя пуста. Если бы я не вскакивал, чтобы стряхнуть с себя оцепенение, я бы тронулся умом. Эта злобная тварь прибегает и к другим приемам, – продолжал священник с тяжелым вздохом. – К примеру, когда я во время молитвы закрываю глаза, она подбирается все ближе и ближе и в конце концов становится видимой. Признаю, это противоречит законам физики, но что есть, то есть: я вижу ее, вижу с закрытыми глазами. От этого у меня ум заходит за разум, силы изменяют и приходится подниматься с колен. Кому довелось пережить подобное, тот знает, что такое отчаяние.

Глава IX

Стадия третья

Замечаю, доктор Хесселиус, что выслушиваете вы меня, не упуская ни единого слова, потому нет нужды просить вас с особым вниманием отнестись к продолжению моего рассказа. Все только и делают, что толкуют о зрительных нервах да о фантомных иллюзиях, словно зло-вредной силе, привязавшейся ко мне, недоступны иные пути воздействия, помимо органа зрения. Плохо же они ее знают. В первые два года моих мук адское видение и в самом деле оставалось не более чем оптическим образом. Но подобно тому, как вслед за нежным касанием губ наша пища испытывает на себе разрушительную мощь зубов, как в колесо машины попадает вначале кончик мизинца, а затем туда затягивает всю руку и наконец всего человека целиком, так и адская машина ухватывает кончик тончайшего нерва, а следом происходит то, что произошло со мной: она постепенно поглощает несчастного смертного полностью. Да, доктор, такова и моя участь. Я беседую с вами, я молю о помощи, а сам чувствую, что мольбы мои бессильны и призыв не будет услышан.

Он волновался все более, и я постарался успокоить его, убедить не поддаваться отчаянию.

Пока мы беседовали, наступила ночь. Пейзаж за окном слабо виднелся в лунном свете. Я сказал:

– Распорядитесь, чтобы принесли свечи, если вам не хочется сидеть в потемках. Полутьма ведь навевает странные мысли. Мне бы хотелось, чтобы, пока я не поставлю диагноз, вы вели себя, по возможности, как обычно.

– Свет ли, тьма – меня это волнует, только когда я пишу. А так пусть бы ночь никогда не кончалась. Сейчас я намереваюсь рассказать вам, что случилось год назад. Эта тварь заговорила.

– Заговорила? Что вы имеете в виду: она стала разговаривать как человек?

– Да, она произносит слова и целые предложения очень связно и отчетливо, но есть одна странность. Ее голос отличен от человеческого. Он доходит не через уши, а звучит в голове, как пение.

Ее речи меня доконают. Эта тварь не дает мне молиться, ее отчаянные богохульства вынуждают меня умолкнуть; я не могу, не в силах продолжать. О доктор, неужели мне не помогут ни врачебное искусство, ни молитва?

– Обещайте мне, дорогой сэр, не тревожить себя мыслями, не ведущими ни к чему, кроме ненужного возбуждения. Сосредоточьтесь на фактах, о них и ведите рассказ. Прежде всего, не забывайте о том, что даже если преследующее вас существо вполне реально, существует помимо вашего воображения и обладает собственной волей (а вы, судя по всему, считаете, что так оно и есть), то тем не менее повредить вам оно не способно, если таковая власть не дана ему свыше. Степень ее воздействия на ваши органы чувств зависит главным образом от вашего физического состояния – вот в чем вы, положась на Всевышнего, должны черпать надежду и утешение. Все мы живем рядом с подобными существами, ваше отличие от других состоит лишь в том, что у вас слегка повреждена защитная преграда, скрывающая от нашего зрения и слуха этот враждебный мир. Вы должны пройти новый курс терапии – ободритесь. Я обдумаю сегодня ваш рассказ и решу, что нам делать.

– Вы очень добры, сэр; вы полагаете, стоит попытаться? Есть еще надежда? Но если бы вы знали, какую власть забрала себе адская тварь. Она меня тиранит, отдает приказы, а я становлюсь все беспомощней. Господи, смилуйся надо мной!

– Вы говорите, она отдает вам приказы?

– Да-да, она все время подбивает меня на преступления: покуситься на кого-нибудь другого или на самого себя. Теперь вы убедились, доктор, что положение серьезное. Не так давно я был в Шропшире, – говорил мистер Дженнингс с поспешностью, положив руку мне на рукав и заглядывая в лицо, – и отправился с несколькими приятелями на прогулку. Мой мучитель в это время сопровождал меня повсюду. Я немножко отстал от друзей: вам ведь известно, что в окрестностях Ди места красивые, есть на что посмотреть. Наш путь пролегал мимо угольной шахты. Ствол шахты, глубиной, как говорят, полтора фута, находится на опушке леса. Моя племянница отбилась от компании вместе со мной. О моей болезни она, разумеется, ничего не знала, кроме того что я нездоров, впал в уныние и меня не следует оставлять в одиночестве. Мы шли не спеша, а проклятая обезьяна все твердила, чтобы я бросился в шахту. Поверите ли, от страшной смерти меня спасла только мысль о том, каково будет бедной девушке стать свидетельницей такого жуткого происшествия. Я сказал ей, чтобы она догнала своих друзей, а я останусь, так как не в силах идти дальше. Она ни за что не соглашалась, и чем дольше я уговаривал, тем решительней отказывалась меня покинуть. Вид у нее был испуганный. Думаю, что-то в моем облике или поведении встревожило ее; так или иначе, но уйти она отказалась и этим в буквальном смысле спасла меня. Вы и представить себе не можете, сэр, до какой степени Сатана способен подчинить себе смертного.

Дженнингса беспрестанно била дрожь. Он жалобно застонал.

Наступила пауза, а потом я проговорил:

– Как бы то ни было, но вы были спасены. В этом видна десница Божья. Он не предал вас во власть врага рода человеческого, а значит, вам следует верить в будущее.

Глава X

Приют

Я уговорил мистера Дженнингса приказать слугам принести свечи и не оставил его, пока не убедился, что в комнате стало уютно. Я объяснил, что причина его болезни кроется исключительно в физиологических нарушениях, пусть даже и трудно уловимых. Я постарался убедить его, что давешнее спасение даровано свыше и служит свидетельством милости Божьей; мне больно слышать, сказал я, как он твердит, что Господь его отринул. Так отнестись к происшедшему – значит не просто ошибиться, а сделать вывод, впрямую противоречащий истине, ибо избавление его от смерти есть не что иное, как чудо, ниспосланное с небес. Ведь, во-первых, племянница не покинула его, несмотря на все уговоры, а во-вторых, ему было внушено неодолимое отвращение к мысли совершить страшный поступок у нее на глазах.

Когда я говорил об этом, у мистера Дженнингса на глазах выступили слезы. Мне показалось, что на него снизошло успокоение. Я заставил его пообещать, что, когда обезьяна вернется, он пошлет за мной немедленно, и повторил, что ближайшие часы всецело посвящу обдумыванию его случая и завтра расскажу, к каким пришел выводам. На том мы и распрощались.

Слуге, проводившему меня к экипажу, я сказал, что хозяин очень болен, и велел почаще заглядывать в его комнату.

Предстояло обеспечить условия для сосредоточенной, непрерывной работы.

Я добрался к себе, захватил письменные принадлежности и саквояж, сел в наемную карету и направился в расположенную в двух милях от города очень тихую и уютную гостиницу «Рога» (еще одна ее особенность – солидные, толстые стены). Там, в удобной гостиной, укрытый от возможных помех и вторжений, я намеревался провести в раздумьях остаток ночи, а если понадобится, то и утро.

(Здесь доктор Хесселиус строго научно излагает свое мнение по поводу болезни мистера Дженнингса, а также описывает нужные пациенту режим, диету и лекарственные препараты. Записи эти, содержащиеся в письме, которое он сочинил в гостинице «Рога», впрочем, довольно любопытны – кое-кто, возможно, назвал бы их загадочными. Однако я не уверен, что ученые рассуждения доктора Хесселиуса способны увлечь моего предполагаемого читателя, а раз так, то едва ли стоит помещать их на этих страницах. Следующее письмо доктор Хесселиус составил в своей городской квартире.)

Я выехал из города в гостиницу вчера в половине десятого, а возвратился сегодня в час дня. На столе в городской квартире меня ждало письмо от мистера Дженнингса. Узнав, что пришло оно не по почте, я расспросил слуг; как выяснилось, принес письмо лакей мистера Дженнингса. Когда ему сообщили, что я буду дома не раньше завтрашнего дня и никто не знает, где меня найти, слуга, растерянный и встревоженный, сказал, что ему велено без ответа не возвращаться.

Я вскрыл письмо и прочел:

«Дорогой доктор Хесселиус!

Она вернулась, не минуло и часа после Вашего отъезда. Она говорит со мной. Ей известно все, что произошло. Она знает все, знает о Вас и обозлена безмерно. Она изрыгает проклятия. Я посылаю Вам это письмо, а она знает, знает каждое слово. Я обещал Вам и потому пишу, но, боюсь, бессвязно, совсем бестолково. Мне не сосредоточиться, я выбит из колеи.

Всегда искренне Ваш,

Роберт Линдер Дженнингс».

– Когда пришло письмо? – спросил я.

– Вечером, около одиннадцати. Тот слуга опять заезжал вчера и трижды сегодня. В последний раз он был здесь час назад.

В считанные минуты я сунул в карман бумаги со своими рецептами и предписаниями, вскочил в экипаж и отправился к мистеру Дженнингсу в Ричмонд.

Вам, разумеется, понятно, что я никоим образом не считал болезнь мистера Дженнингса неизлечимой. Да он и сам был знаком (по «Метафизической медицине») с моими воззрениями на подобные случаи и пытался, хотя и совершенно ошибочным образом, применить изложенные мною принципы. Я же намеревался взяться за его лечение, опираясь на солидную научную основу. Тут были затронуты мои научные интересы, и я ничего так не жаждал, как наблюдать своего пациента в тот период, когда его вновь примется донимать «супостат».

Наконец я достиг мрачного дома мистера Дженнингса, взбежал по ступенькам и постучал. Дверь тут же открыла высокого роста женщина в черном шелковом платье. Вид у нее был нездоровый, глаза, как мне показалось, заплаканные. В ответ на мой вопрос она молча присела и махнула рукой в сторону двух мужчин, спускавшихся по лестнице. Поручив меня, таким образом, их заботам, она проворно нырнула в боковую дверь и захлопнула ее за собой.

Я обратился к тому из двоих, кто оказался ближе, но тут же с испугом заметил, что обе руки у него в крови.

Я невольно сделал шаг назад, а человек, с которым я заговорил, тихо ответил, продолжая спускаться: «Вот слуга, прошу вас, сэр».

Слуга остановился, при виде меня смутившись и онемев. Платок, которым он вытирал руки, был пропитан кровью.

– Джонс, ради бога, что произошло? – спросил я, холодея от мрачного предчувствия.

Слуга пригласил меня выйти в коридор, я тут же последовал за ним. И вот он, смертельно бледный, сказал мне то, о чем я уже с ужасом догадывался.

Его хозяин покончил с собой.

Вместе с Джонсом я поднялся в комнату мистера Дженнингса. Не могу Вам передать, что я там увидел. Несчастный перерезал себе горло бритвой. Рана была ужасна. Тело уложили в постель, придав ему подобающее положение. Огромная лужа крови на полу, между кроватью и окном, ясно указывала, где именно произошла трагедия. Пол был голый, ковры постелены только у кровати и под туалетным столиком. Мистер Дженнингс упоминал, что не любит ковров в спальне. На полу этой сумрачной, а теперь зловещей комнаты, затененной, как и весь дом, старыми вязами, чуть подрагивала тень одной из гигантских ветвей.

Я сделал знак слуге, и мы вместе спустились вниз. В соседней с холлом старомодной, отделанной деревянными панелями комнате я и выслушал все, что он смог мне рассказать. Наш разговор оказался кратким.

– По тому, что и как вы сказали, сэр, вчера ночью, я понял: хозяин занемог всерьез. Я подумал, вы боитесь припадка или чего-нибудь еще. Так что я поступил в точности, как вы распорядились. Хозяин долго не ложился, до трех и даже дольше. Он не писал, не читал, а все разговаривал сам с собой, но такое для него не редкость. В четвертом часу я помог ему раздеться. Когда я ушел, на нем был и халат, и домашние туфли. Через полчаса я потихоньку снова к нему заглянул. Он лежал в постели раздетый, а на столике рядом с кроватью стояла пара зажженных свечей. Когда я зашел, он опирался на локоть и что-то разглядывал в другом конце кровати. Я спросил, не будет ли каких-нибудь приказаний, и он ответил, что нет.

Ночью мне все время было не по себе. Я за него беспокоился, то ли после ваших распоряжений, сэр, то ли оттого, что заметил нечто непонятное.

Прошло еще полчаса, а может, чуть больше, и я снова поднялся к нему. Прислушался, но на этот раз он молчал. Я приоткрыл дверь. Обе свечи у изголовья не горели, и это было необычно. У меня была с собой свеча, и я тихонько оглядел комнату. Хозяин сидел в кресле у туалетного столика. Мне бросилось в глаза, что он снова одет. Хозяин обернулся и взглянул на меня. Я подумал: как, мол, чудно, что он встал и оделся, потушил свет и сидит вот так в темноте. Но я осмелился лишь спросить, не нужно ли ему чего-нибудь. Он сказал «нет», довольно

сердито, – так мне показалось. Не прикажет ли он зажечь свечу? «Как хотите, Джонс», – ответил он. Я зажег свечи, но уходить не спешил, и тогда хозяин задал вопрос: «Скажите правду, Джонс, вы вернулись, потому что услышали, как здесь кто-то бранится?» Я не понял, о чем это он, и ответил: «Нет, сэр». – «Конечно нет, – повторил хозяин вслед за мной, – как же иначе?» Тут я сказал: «Не лучше ли будет, сэр, вам лечь в постель, ведь уже пять?» Он ответил только: «Очень может быть. Спокойной ночи, Джонс». Ну я и ушел, сэр, но через час вернулся. Дверь была затворена; он меня услышал и крикнул (видать, с постели), чтобы я сказал, чего мне нужно, и больше его не тревожил. Я лег и немного поспал. В седьмом часу я опять пошел наверх. Дверь все так же была закрыта, хозяин мне не ответил, и я подумал, что он наверняка спит, не стал его будить и до девяти наверх не возвращался. У нас заведено, что, пока хозяин утром не вызовет меня колокольчиком, сам я в спальню не захожу. Я осторожно постучал, ответа не было, – ну что ж, стало быть, он отдыхает. Но к одиннадцати я всерьез забеспокоился, и было отчего: хозяин ведь позже половины одиннадцатого в жизни не вставал. На мой стук он не откликнулся. Я колотил в дверь, кричал – все бесполезно. В одиночку выломать дверь я не смог, пришлось позвать Томаса с конюшни, мы пробились в комнату, а что там застали – вы сами видели.

Больше Джонс не знал ничего. Бедный мистер Дженнингс был по-настоящему кротким и добросердечным человеком, слуги души в нем не чаяли. Я заметил, что слуга искренне горюет.

Потрясенный, я покинул этот зловещий дом под сумрачной сенью вязов. Надеюсь не увидеть его больше никогда. Пишу Вам и чувствую себя так, словно не вполне пробудился после продолжительного ночного кошмара. Память моя с испугом отвергает происшедшее. Но я знаю, что это не сон. Это подлинная история, и речь в ней идет об отравлении, о яде, действие которого затрагивает душу и нервную систему человека и парализует ткань, разделяющую две родственные функции органов чувств: внешнее и внутреннее восприятие. И тогда мы обнаруживаем рядом с собой странные существа, и ранее, чем пробьет предустановленный час, смертный зрит бессмертного.

Заключение

Слово к страждущим

Дорогой мой Ван Лоо, причина Ваших мук кроется в болезни, подобной той, которую я только что описал. Дважды Вы испытывали на себе ее действие.

Кто, с Божьей помощью, излечил Вас? Ваш покорный слуга, Мартин Хесселиус. А лучше будет повторить вслед за одним старым добрым хирургом, жившим три сотни лет назад во Франции, следующие исполненные благочестия слова: «Я лечил, а исцелил Создатель».

Не поддавайтесь хандре, друг мой. Позвольте объяснить Вам, что к чему.

В своей врачебной практике мне довелось столкнуться, как показано в моей книге, с пятьюдесятью семью случаями видений, подобных вышеописанному (я называю их «сублимированными», «ранними» или «внутренними», не отдавая предпочтения ни одному из этих терминов).

Имеется и другой класс болезней – фантомные иллюзии, – данное название получивший вполне правомерно, но зачастую смешиваемый с этим недугом. Фантомные иллюзии – я в этом убежден – излечиваются так же просто, как насморк или легкое расстройство пищеварения.

Проверкой мыслительных способностей врача могут послужить лишь болезни, относимые к названной ранее категории. Пятьдесят семь подобных случаев встретилось мне в моей практике, и ни одним меньше. В скольких из них мое искусство оказалось бессильным? Ни в одном.

Из всех недугов, преследующих человеческий род, проще и надежней прочих излечивается именно этот: требуется лишь немного терпения и доверия к врачу. При соблюдении этих незамысловатых условий можно быть совершенно уверенным в успехе.

Припомните: в случае с мистером Дженнингсом я не успел даже приступить к лечению. Не сомневаюсь, что года через полтора, от силы два он был бы абсолютно здоров. Некоторые случаи быстро поддаются излечению, другие же носят затяжной характер. Но в конечном счете любому мыслящему и усердному медику эта задача по плечу.

Вам знаком мой трактат об основных функциях мозга. Опираясь на бесчисленные факты, я привожу там убедительные, надеюсь, доводы в пользу теории, согласно которой в нервных каналах может существовать циркуляция, подобная артериальному и венозному кровообращению. Мозг в данном случае играет ту же роль, что в системе кровообращения – сердце. Соответственно, флюид, распространяющийся в нервных волокнах одного вида, возвращается в измененном состоянии по нервам другого вида. Флюид этот по своей природе тонок, но все же материален, подобно свету и электричеству.

Всякого рода вредные привычки, одна из которых – злоупотребление некоторыми небезразличными для организма факторами (такими, как зеленый чай), ведут к тому, что нарушается либо состав этого флюида, либо – чаще – его баланс. Примите во внимание, что наличие указанного флюида является тем общим свойством, что роднит нас с духами. Избыточный нервный флюид, накапливающийся в мозгу или нервных волокнах, будучи связан с внутренним восприятием, представляет собой как бы обширную незащищенную область, через которую бесплотные духи получают доступ к нашим органам чувств; таким образом и формируется канал связи. Между обеими системами циркуляции, мозговой и сердечной, существует тесная общность. Фокусом, а точнее, орудием внешнего зрения является глаз. Внутреннее же зрение локализуется в нервной ткани и мозге, в области бровей и чуть выше. Вспомните, с какой легкостью мне удалось бесследно рассеять Ваши видения при помощи всего лишь замороженного одеколona. Не сочтите, однако, что одни и те же методы пригодны для всех пациентов и неизменно дают быстрые результаты. Холод вызывает отлив нервного флюида. Достаточно

длительное воздействие холода ведет к перманентной утрате способности ощущать – иначе говоря, к онемению, – а вслед за тем наступает паралич не только ощущений, но и мышц.

Повторяю вновь с абсолютной уверенностью: я непременно добился бы того, чтобы внутреннее око, которое, сам того не желая, отверз у себя мистер Дженнингс, вначале затуманилось, а затем и затворилось. В случае белой горячки наблюдается подобная же патологическая чувствительность. Терапевтическая методика сводится к такому воздействию на телесный организм, которое позволяет устранить гиперактивность мозга как мотора нервной циркуляции и, соответственно, избыточность нервного флюида. Именно последовательное обращение к некоторым простым лечебным приемам ведет (причем неизменно) к желаемому результату. Неудач в моей практике не было.

Бедный мистер Дженнингс свел счеты с жизнью. Но виновна в этой катастрофе совершенно иная болезнь, наложившаяся, так сказать, на вышеописанную. Его случай, без сомнения, следует отнести к сложным. Истинной причиной его гибели послужило не что иное, как наследственная суицидомания. Не могу назвать бедного мистера Дженнингса своим пациентом, так как не успел даже приступить к лечению, а, кроме того, как я убежден, с его стороны отсутствовало необходимое условие успешной борьбы с болезнью: полное и безграничное доверие к врачу. Если же пациент заранее принимает сторону не болезни, а врача, в благоприятном исходе сомневаться не приходится.

Давний знакомый

Пролог

Случаев, более или менее сходных с описанным мною в рассказе «Зеленый чай», мне известно двести тридцать или около того. Из них я выбрал один и привожу его ниже под названием «Давний знакомый».

Доктор Хесселиус пожелал присовокупить к настоящему манускрипту ряд своих собственных замечаний на нескольких листочках бумаги, исписанных мелкими, размером чуть больше печатных, буквами. Вот что он пишет:

«Что касается добросовестности, то лучшего рассказчика, чем достопочтенный ирландский священник, от которого я получил бумаги с описанием случая мистера Бартона, едва ли можно пожелать. Для медика, однако, такого отчета недостаточно. Чтобы вынести свое суждение с уверенностью, мне желательно было бы ознакомиться с рассказом сведущего врача, наблюдавшего развитие болезни и пользовавшего пациента начиная с ранних стадий ее течения и до конца. Мне следовало бы знать о возможной наследственной предрасположенности мистера Бартона; не исключено, что по каким-либо ранним симптомам удалось бы проследить корни болезни в более отдаленном прошлом, чем это доступно сейчас.

Упрощая, можно свести все подобные случаи к трем основным видам. Приводимая мной классификация опирается на первичное различие между субъективным и объективным. Некоторые из тех, кто утверждал, что их восприятию представлялись некие сверхъестественные явления, всего лишь визионеры, жертвы иллюзий, порожденных болезнью мозга или нервов. В других случаях не приходится сомневаться во вмешательстве внешних, скажем так, духовных сил. И наконец, бывают тягостные состояния смешанного происхождения, когда внутреннее восприятие больных и в самом деле обострено, но оно становится и остается таковым по причине болезни. Болезнь эту можно в определенном смысле сравнить с потерей наружного слоя кожи, с обнажением тех поверхностей, которые, ввиду их особой восприимчивости, природа снабдила защитной оболочкой. Нарушение этого покрова сопровождается постепенной утратой чувствительности к нежелательным воздействиям. Что касается мозга и тех нервов, которые имеют непосредственное отношение к его функционированию и к чувственному восприятию, то мозговое кровообращение периодически подвергается тем самым расстройствам, имеющим характер вибраций, которые я детально изучил и описал в своем исследовании (манускрипт под номером А 17). Указанные расстройства, как я доказываю, не имеют ничего общего с приливами крови – феноменом, которому посвящено исследование под номером А 19. Будучи чрезмерными, упомянутые нарушения неизменно сопровождаются *иллюзиями*.

Если бы я имел возможность осмотреть мистера Бартона и выяснить все детали, нуждающиеся в уточнении, мне не стоило бы ни малейшего труда соотнести известные мне феномены с вызвавшей их болезнью. В данном же случае мой диагноз поневоле не выходит за рамки предположений».

Это пишет доктор Хесселиус и приводит прочие рассуждения, понятные лишь специалистам в области медицинской науки.

А рассказ преподобного Томаса Герберта, в котором содержится все, что известно об интересующем нас случае, приводится в нижеследующих главах.

Глава I

Шаги

В то время я был молод и близко знаком с некоторыми из действующих лиц этой странной истории; вот почему впечатление от событий, с нею связанных, было глубоким и длительным. Постараюсь теперь изложить все эти события в точности, соединяя, разумеется, в рассказе данные, почерпнутые из разных источников, и попытаюсь, насколько возможно, рассеять тьму, которая с начала и до конца окутывает эту историю.

Году приблизительно в 1794-м младший брат некоего баронета – назову его сэр Джеймс Бартон – возвратился в Дублин. Капитан Бартон заслужил отличия во флоте, командуя одним из фрегатов его величества почти все время, пока длилась американская Война за независимость. Капитану Бартону было года сорок два – сорок три. Он умел, когда хотел, быть умным и приятным собеседником, но обычно вел себя сдержанно, иногда даже казался угрюмым.

На людях, однако, он выглядел светским человеком и джентльменом. Он не приобрел той шумной грубоватости в общении, которую порой усваивают моряки; напротив, его поведение отличалось непринужденностью, спокойствием, даже лоском. Роста он был среднего, сложения довольно крепкого; лицо выдавало склонность к размышлениям и почти всегда носило отпечаток серьезности и меланхолии. Будучи, как я уже говорил, человеком превосходно воспитанным, отпрыском благородного семейства и обладателем крупного состояния, капитан Бартон не нуждался, разумеется, в дальнейших рекомендациях, чтобы быть допущенным в лучшее общество Дублина.

Любовью к роскоши мистер Бартон не отличался. Он занимал апартаменты на одной из фешенебельных в то время улиц в южной части города, но держал всего лишь одну лошадь и одного слугу. Слывя вольнодумцем, он тем не менее вел упорядоченную, высокоморальную жизнь, не был склонен ни к игре, ни к выпивке, ни к каким-либо другим порокам. Он был погружен в себя, ни с кем близко не сходил, друзей не заводил. Общество, судя по всему, привлекало его скорее веселой, бездумной суетой, чем возможностью обменяться с кем-либо своими мыслями и настроениями.

В результате Бартон прослыл человеком бережливым, благоразумным и замкнутым, имевшим хорошие шансы устоять против хитрых уловок и прямых атак и сохранить свое холостяцкое положение. Казалось, что он доживет до глубокой старости и умрет богатым, завещав свои деньги какой-нибудь больнице.

Вскоре, однако, стало ясно, что жизненные планы мистера Бартона были поняты в корне неверно. В тот год в свете появилась некая молодая леди (назовем ее мисс Монтегю), введенная туда ее тетей, леди Л., вдовой. Мисс Монтегю была неоспоримо красива и превосходно воспитана. Обладая природным умом и изрядной долей веселости, она сделалась на время любимицей общества.

Тем не менее популярность на первых порах не приносила ей ничего, кроме эфемерного восхищения окружающих, пусть лестного, но ни в коей мере не сулившего скорого брака, ибо, к несчастью для упомянутой молодой леди, было известно, что, кроме привлекательности, ровно никаких земных благ у нее за душой не имеется. При таких обстоятельствах появление у бедной мисс Монтегю признанного поклонника в лице мистера Бартона не могло не вызвать сенсации.

Его ухаживания, как и следовало ожидать, были встречены благосклонно, и в скором времени каждому из полутора сотен близких друзей старой леди Л. было сообщено персонально, что капитан Бартон действительно предложил мисс Монтегю, с одобрения ее тетушки, руку и сердце; что, более того, ответ был положительным – при условии согласия отца невесты, который следовал на родину из Индии и собирался прибыть в ближайшие две-три недели.

Браку ничто не препятствовало, отсрочка представлялась не более чем формальностью, так что помолвка считалась делом решенным, и леди Л., верная старомодному декоруму, которым ее племянница, разумеется, охотно бы пренебрегла, удержала девушку от дальнейшего участия в городских увеселениях.

Капитан Бартон бывал в доме частым гостем, порой засиживался подолгу и на правах нареченного жениха пользовался всеми преимуществами тесного, непринужденного общения с невестой. Таковы были отношения между действующими лицами моей повести к тому времени, когда на нее пала тень грядущих загадочных событий.

Леди Л. обитала в красивом доме на севере Дублина, а квартира капитана Бартон, как уже было упомянуто, располагалась на юге. Оба жилища разделяло значительное расстояние, и капитан Бартон завел себе привычку, проводя вечер в обществе старой леди и ее прекрасной воспитанницы, возвращаться домой пешком в одиночестве.

Кратчайший маршрут таких ночных прогулок пролегал вдоль одной довольно длинной недостроенной улицы из одних фундаментов: стены домов только-только начали возводить.

Однажды вечером, вскоре после обручения с мисс Монтегю, капитан Бартон дольше обычного пробыл у своей невесты и леди Л. Беседа велась об откровении свыше. Капитан Бартон оспаривал все доказательства с упорством законченного скептика. В те дни в высшее общество уже проложили себе дорогу так называемые французские принципы – в особенности те из них, что перекликаются с либерализмом. Не избежали этой заразы и старая леди с ее воспитанницей. Вот отчего взгляды мистера Бартон не были сочтены серьезным препятствием для предполагаемого брака. Разговор тем временем перешел на сверхъестественные и загадочные явления, причем и тут мистер Бартон прибегал все к тем же не лишенным язвительности аргументам. Несправедливо было бы обвинять его в желании покрасоваться: доктрины, которые отстаивал капитан Бартон, являлись основой его собственных, если можно так выразиться, верований. Из всех странных обстоятельств, затронутых в моей повести, не последнюю роль играет тот факт, что жертва нападений, которые я собираюсь описать, в силу лелеемых годами принципов упорно отвергала возможность так называемых сверхъестественных явлений.

Было глубоко за полночь, когда мистер Бартон распрощался и пустился в свой одинокий обратный путь. Он достиг уже той безлюдной дороги, где над фундаментами едва возвышались незаконченные стены будущих домов. Лила туманный свет луна, и под ее тусклыми лучами дорога, по которой шел Бартон, казалась еще мрачнее; царило полное, непонятным образом волновавшее душу безмолвие, не нарушавшееся ничем, кроме шагов Бартон, неестественно громких и отчетливых.

Он шел так некоторое время, а затем внезапно слышал другие шаги, размеренно ступавшие, казалось, метрах в десяти позади него.

Ощущение, что кто-то следует за тобой по пятам, всегда неприятно, а особенно в столь уединенном месте. Капитан Бартон не выдержал и резко обернулся, рассчитывая оказаться лицом к лицу с преследователем, но, хотя луна светила довольно ярко, ничего подозрительного на дороге не обнаружилось.

Стук не был отзвуком его собственных шагов: Бартон убедился в этом, потопав и быстро пройдясь взад-вперед в безуспешных попытках разбудить эхо. Не будучи ни в коей мере склонным к фантазиям, Бартон все же вынужден был приписать шаги игре своего воображения и счесть их иллюзией. Рассудив таким образом, он вновь пустился в путь. Но едва он сошел с места, как сзади опять послышались таинственные звуки, и на этот раз, словно в доказательство того, что с эхом они не имеют ничего общего, шаги то постепенно замирали, почти совсем останавливаясь, то переходили в бег, а затем опять замедлялись.

Как и в первый раз, капитан Бартон резко обернулся, но результат был прежним: на одинокой дороге не виднелось ровным счетом ничего. Он пошел обратно по своим следам, рассчитывая обнаружить причину смутивших его звуков, но безуспешно.

При всем своем скептицизме Бартон почувствовал, что им постепенно овладевает суеверный страх. Не в силах отделаться от этих непривычных ощущений, Бартон опять двинулся вперед. Таинственные звуки не возобновлялись, но, когда он достиг того места, где ранее повернул назад, шаги слышались вновь, время от времени учащаясь, отчего казалось, что невидимый преследователь вот-вот наткнется на уstraшенного пешехода.

Капитан Бартон в очередной раз остановился. Непостижимость происходившего вызвала у него непонятные, мучительные чувства, и, невольно взволновавшись, он резко крикнул: «Кто там?» Собственный голос, прозвучавший в полной тишине и сменившийся столь же глубоким безмолвием, показался Бартону удручающе унылым, и им овладела сильнейшая, дотоле ему неведомая тревога.

Шаги преследовали Бартона до самого конца одинокой улицы, и ему потребовалось немало гордого упрямства, чтобы с перепугу не пуститься бежать со всех ног. Только достигнув своей квартиры и усевшись у камелька, он успокоился настолько, что смог восстановить в памяти и обдумать свое обескураживающее приключение. Самой малости, в сущности, достаточно, чтобы поколебать гордыню скептика и доказать власть над нами старых добрых законов природы.

Глава II

Наблюдатель

Когда на следующее утро, за поздним завтраком, мистер Бартон обдумывал ночное происшествие – скорее критически, чем с суеверным страхом, ибо бодрящий дневной свет быстро вытесняет мрачные впечатления, – слуга положил на стол перед ним письмо, только что принесенное почтальоном.

В надписи на конверте не обнаружилось ничего примечательного, за исключением того, что почерк был Бартону неизвестен. Возможно, надпись была сделана измененным почерком: высокие буквы клонились влево. Несколько взвинтив себя всевозможными догадками, как часто бывает в подобных случаях, Бартон, прежде чем вскрыть печать, с минуту изучал адрес. Затем он вынул и прочел письмо, написанное той же рукой:

«Мистер Бартон, бывший капитан „Дельфина“, предупреждается об опасности. Он поступит мудро, если будет избегать ***-стрит. – Тут было названо место вчерашнего приключения. – Если он не прекратит ходить там, то быть беде – пусть запомнит это раз навсегда, ибо ему следует страшиться

Наблюдателя».

Капитан Бартон читал и перечитывал это странное послание, изучал его то так, то этак, под разными углами, рассматривал бумагу, на которой оно было написано, и заново вглядывался в почерк. Ничего не добившись, он обратил внимание на печать. Это был просто кусок воска, на котором слабо виднелся случайный отпечаток пальца.

Ни малейшей зацепки, ничего, что могло привести хотя бы к догадке о происхождении письма. Казалось, цель автора – оказать услугу, и в то же время он объявлял себя тем, кого «следует страшиться». Всё вместе – и письмо, и его автор, и истинные цели последнего – представляло собой неразрешимую головоломку, к тому же самым неприятным образом напоминавшую о событиях минувшей ночи.

Повинуясь какому-то чувству – возможно, гордости, – мистер Бартон даже своей нареченной невесте не обмолвился ни словом об описанных выше происшествиях. На первый взгляд пустячные, они оставили в душе капитана крайне неприятный осадок, и исповедоваться в том, что упомянутая молодая леди могла бы счесть свидетельством слабости, ему не хотелось. Письмо вполне могло оказаться всего лишь шуткой, а загадочные шаги – галлюцинацией или трюком. Но хотя Бартон и вознамерился отнестись ко всей этой истории как к чепухе, не стоящей внимания, подспудно его мучили сомнения и догадки, донимали смутные страхи. И разумеется, Бартон долгое время избегал улицы, упомянутой в письме как место, где его поджидает беда.

В последующую неделю ничто не напомнило капитану Бартону о содержании воспроизведенного мною письма, и его тревоги постепенно изгладились из памяти.

Однажды вечером, когда названный промежуток времени уже истек, мистер Бартон возвращался из театра, расположенного на Кроу-стрит. Усадив мисс Монтегию и леди Л. в их коляску, он немного поболтал с двумя-тремя знакомыми.

Расставшись с ними у колледжа, Бартон продолжил путь в одиночестве. Был уже час ночи, и улицы совершенно опустели. Пока приятели были рядом, он временами с болезненным чувством улавливал звуки шагов, которые, казалось, следовали за ними по пятам.

Раз или два он беспокойно оборачивался, опасаясь вновь столкнуться с теми загадочными и неприятными явлениями, которые на прошлой неделе выбили его из колеи, и очень надеясь обнаружить какую-нибудь естественную причину непонятных звуков. Но улица была пуста – вокруг ни души.

Продолжая путь домой в одиночестве, капитан Бартон по-настоящему испугался, когда яснее, чем прежде, уловил хорошо знакомые звуки, от которых его теперь бросало в дрожь.

Чужие шаги, стихая и возобновляясь одновременно с его собственными, сопровождали Бартона вдоль глухой стены, окружавшей парк при колледже. Поступь невидимки была, как и прежде, неровной: то медлила, то на протяжении двух десятков ярдов ускорялась почти до бега. Снова и снова Бартон оборачивался, поминутно бросал украдкой взгляд через плечо, но никого не видел.

Неуловимый и незримый преследователь довел Бартона до белого каления; когда капитан наконец оказался дома, его нервы были так взвинчены, что ему не скоро удалось заснуть, и до самого рассвета он даже не ложился.

Разбудил его стук в дверь. Слуга протянул ему несколько писем, пришедших только что по почте. Одно из них мгновенно привлекло внимание Бартона: беглый взгляд на это письмо тут же стряхнул с него остатки сна. Он сразу узнал почерк и прочел следующее:

«Скрыться от меня, капитан Бартон, – все равно что убежать от собственной тени. Что бы ты ни делал, я буду являться каждый раз, когда вздумаю на тебя взглянуть, и ты тоже меня увидишь, прятаться я не собираюсь, и не думай. Отдыхай себе спокойно, капитан Бартон, ведь *если совесть у тебя чиста*, то с чего бы тебе бояться

Наблюдателя?»

Едва ли нужно говорить о том, с какими чувствами изучал Бартон это странное послание. Несколько дней всем было заметно, что вид у капитана отсутствующий и расстроенный, но о причине этого не догадывался никто.

По поводу призрачных шагов, следовавших за ним по пятам, еще можно было сомневаться, но письма не были иллюзией, а их приход уж очень странно совпал с появлением таинственных звуков.

Смутно, инстинктивно разум Бартона связал нынешние приключения с некоторыми страницами из прошлой жизни – теми самыми, о которых капитану очень не хотелось вспоминать.

Однако случилось так, что, помимо приближавшейся свадьбы, капитана Бартона занимали тогда – вероятно, к счастью для него – дела, связанные с важным и долговременным судебным процессом, который касался прав собственности. Процесс поглотил его внимание целиком, деловая суeta и спешка рассеяли недавнее Бартона уныние, и в короткий срок он вновь приободрился.

Тем не менее все это время Бартона продолжали снова и снова пугать уже знакомые звуки, которые слышались ему в уединенных местах как ночью, так и днем. На этот раз, однако, они были слабыми и отрывочными, и зачастую он с немалой радостью убеждался, что их вполне можно приписать разгоряченному воображению.

Однажды вечером Бартон направлялся к зданию палаты общин вместе со знакомым нам обоим членом парламента. Это был один из тех редких случаев, когда мне довелось общаться с капитаном Бартоном. Шагая рядом с ним, я заметил, что вид у него отсутствующий. Его замкнутость и молчаливость, казалось, свидетельствовали о том, что над ним тяготеет какая-то всепоглощающая забота.

Позже я узнал, что все это время он слышал за спиной знакомые шаги.

Однако больше такое не повторилось. Наваждению, уже измучившему Бартона, предстояло теперь перейти в новую, совершенно иную стадию.

Глава III

Объявление

Однажды вечером мне пришлось стать свидетелем первого из тех происшествий, которые впоследствии сыграли в судьбе Бартона роковую роль; но, если бы не дальнейшие события, я едва ли бы его запомнил.

В тот миг, когда мы входили в пассаж у Колледж-Грин, какой-то человек (о котором я помню только, что он был невысок ростом, похож на иностранца и на нем была дорожная меховая шапка) резко, по-видимому в крайнем возбуждении, устремился прямо на нас, быстро и яростно бормоча что-то себе под нос.

Этот престранный субъект, приблизившись вплотную к Бартону, который шел впереди всех (нас было трое), остановился и несколько мгновений сверлил его угрожающим, исполненным бешеной злобы взглядом; затем отвернулся, начал удаляться той же странной походкой и исчез в боковой галерее. Хорошо помню, что внешность и поведение этого человека немало меня поразили: от него исходило смутное, но непреодолимое ощущение опасности. Подобного я не испытывал ни разу в присутствии человеческого существа. Происшествие, однако, ничуть не вывело меня из равновесия – ничего страшного, просто попало на глаза на редкость злобное, почти безумное лицо.

Крайне удивила меня при этом реакция капитана Бартона. Я знал его как человека храброго, в минуту истинной опасности всегда державшегося со спокойным достоинством. Тем более странным показалось мне тогда его поведение. Когда незнакомец приблизился, Бартон отступил на шаг или два и молча схватился за мою руку, видимо не помня себя от ужаса. Потом, когда коротышка, грубо оттолкнув меня, исчез, Бартон сделал несколько шагов ему вслед, остановился в растерянности и опустил на скамью. Ни разу мне не доводилось видеть лицо бледнее и изможденнее.

– Боже мой, Бартон, что с вами? – спросил наш спутник, встревоженный его видом. – Вы ушиблись или, может быть, нездоровы? Что стряслось?

– Что он сказал? О чем он, я не расслышал? – спрашивал Бартон, не обращая ни малейшего внимания на слова ***.

– Ерунда! – отвечал тот, крайне изумленный. – Кого это интересует? Вы нездоровы, Бартон, решительно нездоровы! Позвольте я возьму для вас экипаж.

– Нездоров? Да нет, я здоров, – сказал Бартон, с явным усилием стараясь взять себя в руки, – но, говоря по правде, устал. Немного перетрудился, да и перенервничал. Я был, знаете ли, в суде лорда-канцлера. Когда процесс подходит к концу, всегда волнуешься. Мне весь вечер было не по себе, а сейчас мне уже лучше. Ну, пойдемте же, пойдемте!

– Нет-нет. Послушайте меня, Бартон, отправляйтесь домой: вам необходимо отдохнуть, у вас совершенно больной вид. Я настаиваю, чтобы вы разрешили мне проводить вас домой, – говорил приятель капитана.

Я присоединился к уговорам, тем более что Бартон явно был готов сдаться. Он расстался с нами, отклонив предложенную помощь. Я не настолько близко знал ***, чтобы обсуждать с ним происшедшее, но после обычного в таких случаях обмена сочувственными замечаниями понял: сказанное Бартоном не убедило его точно так же, как и меня, и мы оба подозревали, что для загадочного поведения нашего приятеля имелись какие-то тайные причины.

На следующий день я зашел к Бартону справиться о его здоровье и узнал от слуги, что, вернувшись накануне вечером домой, хозяин не покидал своей комнаты, однако он испытывает всего лишь легкое недомогание и надеется, что через несколько дней будет опять на ногах. В тот же вечер он послал за доктором Р., имевшим тогда большую практику в дублинском обществе, и у них состоялась, как говорят, весьма странная беседа.

Бартон рассказывал о своем недомогании равнодушно и отрывисто и казался, как ни странно, мало заинтересованным в лечении, – во всяком случае, он дал понять, что существуют предметы, которые занимают его несравненно больше, чем теперешнее нездоровье. Он жаловался на возникавшее иногда учащенное сердцебиение и головную боль.

Доктор Р. спросил между прочим, не испытывает ли он почему-либо беспокойство или тревогу. На это Бартон быстро и не без раздражения дал отрицательный ответ. Доктор вслед за тем объявил, что ничего у него не находит, кроме легкого расстройства пищеварения, выписал соответствующий рецепт и уже собирался откланяться, когда Бартон, словно внезапно о чем-то вспомнив, удержал его:

– Извините, доктор, едва не забыл. Не разрешите ли задать вам пару вопросов, касающихся медицины? Возможно, вы сочтете их странными и бесполовыми, но речь идет о пари, так что вы, надеюсь, меня простите.

Врач выразил готовность удовлетворить его любопытство.

Бартон, по всей видимости, не знал, с чего начать расспросы, и с минуту молчал, затем подошел к книжному шкафу, вернулся на место, сел и произнес:

– Вопросы покажутся вам ребяческими, но ответ мне необходим, чтобы выиграть пари, поэтому я их и задаю. Прежде всего, меня интересует столбняк. Если у человека была эта болезнь и он, как представляется, от нее умер – во всяком случае, обычный, средней руки врач заявил, что он мертв, – то может ли такой человек в конечном счете оказаться живым?

Врач улыбнулся и покачал головой.

– Но ведь бывают и ошибки? – снова заговорил Бартон. – Что, если речь идет о невежественном шарлатане: не мог ли он ошибиться, приняв какое-либо свойственное этой болезни состояние за смерть?

– Кто хоть раз в жизни видел смерть, – ответил врач, – тот никогда не спутает ее со столбняком.

Несколько минут Бартон размышлял.

– Задам вам вопрос, возможно еще более наивный. Скажите, не бывает ли в иностранных госпиталях – скажем, в неаполитанских – беспорядка и путаницы, например ошибок при регистрации больных и прочее?

Доктор Р. признал свою некомпетентность в этом вопросе.

– Хорошо, доктор, тогда последнее. Вероятно, я вас насмешу, но, так или иначе, прошу ответить. Существует ли среди всех человеческих болезней такая, от которой человек уменьшается в росте и объеме – то есть остается в точности подобен сам себе, но в других пропорциях, с другим ростом и размерами; *хотя бы одна* болезнь, пусть самая редкая, самая малоизвестная, может привести к таким изменениям?

Ответом были улыбка и самое решительное «нет».

– Тогда скажите, – проговорил Бартон отрывисто, – если у человека имеются причины опасаться, что на него нападет сумасшедший, разгуливающий на свободе, может ли он добиться ордера на задержание и арест этого сумасшедшего?

– Вопрос скорее по адвокатской части, чем по медицинской, – ответил доктор Р., – но, думаю, если обратиться к властям, дело нетрудно уладить законным порядком.

На этом врач распрощался, но в дверях холла вспомнил, что оставил наверху свою трость, и вернулся. Появление его привело к некоторой неловкости, потому что листок бумаги, в котором он узнал свой рецепт, медленно сгорал в камине, а Бартон сидел рядом, нахмурившийся и приунывший.

Доктор Р. был слишком тактичным человеком, чтобы заострять на этом внимание, но увиденное убедило его в одном: недуг гнезился не в теле капитана Бартона, а в душе.

Несколько дней спустя в дублинских газетах появилось следующее объявление:

«Если Сильвестр Йелланд, ранее служивший матросом на фрегате его величества „Дельфин“, или его ближайшие родственники обратятся к мистеру Хьюберту Смиту, поверенному, в его конторе на Дейм-стрит, то они (или он) узнают нечто весьма для них (или для него) полезное. Встреча может состояться в любое время, вплоть до двенадцати часов ночи, – в случае если заинтересованные стороны желают избежать любопытных глаз; при необходимости гарантируется строжайшая секретность всех переговоров».

Как я уже упоминал, «Дельфин» был тем самым судном, которым командовал капитан Бартон. Сопоставив этот факт с усилиями автора при помощи афиш и газет распространить свое необычное обращение как можно шире, доктор Р. предположил, что обеспокоенность Бартона каким-то образом связана с лицом, упомянутым в тексте, и что автор последнего не кто иной, как сам Бартон.

Нет нужды добавлять, что это было не более чем догадкой. Посредник сохранил в тайне все сведения, могущие пролить свет на то, кто является его нанимателем и какова его истинная цель.

Глава IV

Бартон беседует со священником

Мистер Бартон, хотя и походил в последнее время на ипохондрика, был еще очень далек от того, чтобы подпасть под это определение. Веселым его характер, разумеется, трудно было назвать, но ровным – пожалуй. Унынию он не поддавался.

Соответственно, вскоре он обратился к своим прежним привычкам, и одним из первых признаков душевного подъема стало его появление на торжественном обеде франкмасонов, ибо он принадлежал к этому достойному братству. Бартон, вначале мрачный и отрешенный, выпил много больше, чем обыкновенно, – возможно, с целью разогнать собственные тревожные мысли, – и под влиянием хорошего вина и приятной компании постепенно сделался разговорчивым (чего с ним ранее не случалось), даже болтливым.

Непривычно возбужденный, он покинул общество приблизительно в половине одиннадцатого, и, так как праздничная атмосфера весьма располагает к галантности, ему в голову пришла мысль отправиться к леди Л. и провести остаток вечера с ней и со своей нареченной невестой.

И вот вскоре он оказался на ***-стрит и завел веселую беседу с обеими дамами. Не следует думать, что капитан Бартон преступил пределы, предписываемые благоразумием: выпил он ровно столько вина, чтобы дух возвеселился, но при этом не пошатнулся разум и не изменили хорошие манеры.

Испытывая чрезвычайный душевный подъем, Бартон совсем забыл или отбросил от себя смутные опасения, так долго над ним тяготевшие и до известной степени отдалившие его от общества. Но со временем искусственно возбужденная веселость пошла на убыль, и мучительные ощущения постепенно вернулись; Бартон сделался таким же рассеянным и встревоженным, как раньше.

Наконец он распрощался, мучимый предчувствием беды и перебирая в уме бесчисленное множество смутных опасений. Остро ощущая их тяжесть, он тем не менее пытался заставить себя пренебречь ими или сделать вид, что пренебрегает.

Именно гордое сопротивление тому, что он считал слабостью, и подтолкнуло его в данном случае на путь, приведший к приключению, о котором я собираюсь вам поведать.

Мистер Бартон без труда мог бы нанять экипаж, но понял, что острое желание это сделать вызвано не чем иным, как суеверными страхами (так он предпочитал называть свои чувства).

Он мог бы избрать и другой путь домой (не тот, о котором говорилось в таинственном предостерегающем письме), но и от этой идеи отказался по той же причине; с упорством почти отчаянным Бартон вознамерился довести дело до кризиса (не важно, какого именно), если для давешних страхов имелось какое-либо реальное основание, если же нет, то получить удовлетворительные доказательства их иллюзорности; поэтому он избрал свой старый маршрут, как и в ту памятную ночь, когда началось странное наваждение. По правде говоря, даже штурман, впервые ведущий судно под прицелом неприятельской батареи, не подвергает свою решимость столь суровому испытанию, какому подвергал себя капитан Бартон, когда ступил, сдерживая дрожь, на одинокую тропу, где (как он чувствовал, несмотря на все усилия сопротивлявшегося рассудка) затаилось какое-то злобное, враждебное существо.

Он шел размеренно и быстро, ожидая вот-вот услышать странные шаги, но все было тихо, и он уже начал успокаиваться. Три четверти пути были благополучно пройдены, а впереди виднелся длинный ряд мерцавших масляных фонарей, которые освещали оживленную улицу.

Чувство облегчения, однако, покинуло Бартона очень скоро: позади него, ярдах в ста, прозвучал выстрел из мушкета, и у самой его головы просвистела пуля. Первым его побуждением было броситься назад и настичь убийцу, но, как мы уже говорили, по обе стороны улицы

были заложены фундаменты будущих домов, а за ними простирались обширные пустыри, усеянные мусором и брошенными печами для обжига кирпичей; причем все вокруг уже затихло, словно ни единый звук и не встревожил эти уродливые и безлюдные места. Понятно, что в такой обстановке искать убийцу в одиночку, без помощи со стороны, было бесполезно – тем более в полной тишине, которую не нарушал даже стук удалявшихся шагов.

Капитан Бартон – возбужденный, что естественно для человека, на которого только что было совершено покушение и который едва избег смерти, – повернулся и, не переходя на бег, быстро зашагал вперед.

Он повернулся, как я уже сказал, несколько секунд помедлив, и пустился в поспешное отступление, но тут же внезапно наткнулся на знакомого маленького человечка в меховой шапке. Встреча продолжалась всего лишь несколько мгновений. Коротышка шел той же неестественной походкой, что и раньше, с тем же выражением угрозы на лице, а когда поравнялся с Бартоном, тому послышался злобный шепот: «Жив, все еще жив!»

Душевное состояние мистера Бартона настолько отразилось на его здоровье и внешнем виде, что всем это бросалось в глаза.

По причинам, известным только ему самому, Бартон не предпринял никаких шагов, чтобы уведомить власти о едва не удавшемся покушении; напротив, он ревниво хранил его в тайне; лишь несколькими неделями позже, когда душевные муки заставили его наконец искать совета и помощи, он под строжайшим секретом доверился одному джентльмену.

Однако бедный Бартон, невзирая на хандру, вынужден был делать все, чтобы являть в свете лик человека довольного и счастливого, ибо ничто не могло оправдать в глазах общества отказа от тех приятных обязанностей, которые диктовались отношениями, связывавшими его и мисс Монтегю.

Бартон так ревниво хранил в тайне свои душевные муки и обстоятельства, их вызвавшие, что возникало подозрение: быть может, причина странного преследования ему известна и ее приходится скрывать.

Рассудок, погруженный, таким образом, в себя, терзаемый тревогой, не решавшийся довериться ни единой человеческой душе, день ото дня все более возбуждался и, разумеется, все более поддавался воздействию со стороны нервной системы. При этом Бартон все чаще оказывался лицом к лицу с тайными видениями, которые с самого начала обрели над ним страшную власть.

Как раз в то время Бартон нанес визит знаменитому тогда проповеднику, доктору *** (он был с ним немного знаком), и воспоследовала весьма необычная беседа.

Когда доложили о приходе Бартона, проповедник сидел в своем кабинете в колледже, окруженный богословскими трудами, и размышлял.

Манеры вошедшего свидетельствовали о растерянности и волнении. Это, а также бледное, изнуренное лицо посетителя навели ученого на грустную мысль: его гость недавно испытывал поистине жестокие муки, ведь что же еще могло вызвать перемены столь разительные – прямо сказать, пугающие.

После обычного обмена приветствиями и общими замечаниями капитан Бартон, заметив, вероятно, что его визит изумил хозяина (доктор не сумел это скрыть), прервал краткую паузу словами:

– Мой приход сюда может показаться странным, доктор, и, вероятно, едва ли оправданным, если учесть, как мало мы знакомы друг с другом. При обычных обстоятельствах я ни за что не осмелился бы вас побеспокоить. Не считайте мой визит праздным или бесцеремонным вторжением. Уверен, вы так не подумаете, когда узнаете, какие муки я терплю.

Доктор прервал его уверениями, каких требует в подобных случаях вежливость, а затем Бартон продолжил:

– Я намерен злоупотребить вашей снисходительностью, чтобы спросить у вас совета. Я говорю «снисходительность», но мог бы сказать больше: я вынужден взывать к вашей человечности, сочувствию, ибо я невыносимо страдал и страдаю.

– Дорогой сэръ, – отозвался служитель церкви, – я воистину был бы глубоко удовлетворен, если бы мог утишить ваши духовные терзания, но...

– Я знаю, что вы собираетесь сказать, – быстро прервал его Бартон. – Я неверующий, а значит, не способен воспользоваться помощью церкви; но не считайте это само собой разумеющимся. Во всяком случае, из того, что у меня нет твердых религиозных убеждений, не стоит делать вывод, будто я не испытываю глубокого – очень глубокого – интереса к религии. События последних дней заставили меня обратиться к изучению вопросов, связанных с верой, так непредвзято и с таким открытым сердцем, как никогда ранее.

– Ваши трудности, я полагаю, связаны с доказательствами откровения, – подсказал священник.

– Нет, не совсем; собственно, как ни стыдно в этом признаваться, я не обдумал своих возражений настолько, чтобы связно их изложить, но... есть один предмет, к которому я питаю особый интерес.

Он снова примолк, и доктор попросил его продолжать.

– Дело вот в чем, – заговорил Бартон. – Сомневаясь относительно того, что принято называть откровением, я глубоко убежден в одном: помимо нашего мира существует мир духов, по большей части из милосердия от нас сокрытый, но он может приоткрыться, и временами, к нашему ужасу, так и происходит. Я уверен – я *знаю точно*, – продолжал Бартон, все более волнуясь, – что Бог существует – Бог грозный – и что за виной неисповедимым, поразительным образом следует воздаяние от сил ужасных и непостижимых уму; что существует мир духов – Боже правый, мне пришлось в этом убедиться! – мир злобный, безжалостный и всемогущий, заставляющий меня переживать муки ада! Да, жестокие пытки преисподней!

Пока Бартон говорил, он впал в такое неистовство, что богослов был поражен, более того – испуган. Взволнованная порывистость речи, а главное, невыразимый ужас, запечатлевшийся в чертах Бартона, составляли резкий, болезненный контраст его обычному холодному и бесстрастному самообладанию.

Глава V

Бартон излагает свое дело

– Дорогой сэра, – произнес доктор *** после недолгого молчания, – я вижу, что вы и в самом деле глубоко несчастны, но осмелюсь предсказать, что вашей нынешней хандре найдется вполне материальное объяснение, и с переменой климата, а также с помощью подкрепляющих средств вы развеселитесь и приободритесь. В конце концов, не так уж далека от истины старая теория, которая утверждает, что чрезмерное преобладание того или иного душевного настроения связано с чрезмерной активностью или, наоборот, вялостью того или иного телесного органа. Поверьте, немного диеты, физических упражнений и прочих полезных для здоровья мер под опекой знающего врача, и вы снова придете в себя.

– Доктор, – сказал Бартон, содрогнувшись, – я не могу обольщаться подобными надеждами. Мне остается лишь уповать на то, что некая иная духовная сила, более могущественная, чем та, которая меня терзает, возьмет верх над последней и спасет меня. Если это невозможно, тогда я пропал – окончательно пропал.

– Но мистер Бартон, припомните, – стал уговаривать его собеседник, – что и другие страдали так же, как вы, и...

– Нет, нет же! – прервал его Бартон с раздражением. – Нет, сэра. Я не суеверный, далеко не суеверный человек. Я был склонен – возможно, даже чересчур – к обратному: поощрял в себе скептицизм и недоверчивость, но я не принадлежу к тем, кого не убеждает вообще ничто, кто способен пренебречь многократно повторяемым, *постоянным* свидетельством своих собственных чувств, и теперь наконец я вынужден верить; мне не убежать, не скрыться от подавляющей очевидности: мне является, меня преследует по пятам *демон*!

Всепоглощающий ужас искажил черты Бартона, когда он, обратив к собеседнику унылое, мертвенно-бледное лицо, излил таким образом свои чувства.

– Помогите вам Господь, мой бедный друг, – произнес потрясенный доктор. – Помогите вам Господь, ибо вы *воистину* страдалец, какова бы ни была причина ваших мук.

– Да поможет мне Господь! – сурово откликнулся Бартон. – Но *поможет ли* Он мне, поможет ли?

– Молитесь Ему, молитесь с верой и смирением, – отвечал доктор ***.

– Молитесь! – снова повторил Бартон. – Я не могу молиться; легче сдвинуть гору усилием воли. Для молитвы мне недостает веры; что-то во мне сопротивляется молитве. Я не в силах последовать вашему совету – это невозможно.

– Только попытайтесь, и вы убедитесь в обратном.

– Попробуйте! Я пытался и приводил себя в смятение, а иногда – в ужас. Я пытался снова и снова, и все было бесполезно, более чем бесполезно. Устрашающая, невыразимая идея вечности и бесконечности подавляет, загоняет в безумие мой мозг, когда я принимаюсь размышлять о Создателе, – я пугаюсь и отступаю. Говорю вам, доктор, если мне суждено спасение, то иным путем. Идея вечного Творца для меня неприемлема, моему рассудку не вынести этой мысли.

– Тогда скажите, дорогой сэра, – спросил собеседник, – какой поддержки вы от меня ждете, что надеетесь узнать? Могу ли я что-нибудь сказать или сделать для вашего спасения?

– Сперва послушайте меня, – проговорил капитан Бартон с подавленным видом, сию минуту обуздав свое волнение, – послушайте, и я вам расскажу в подробностях о том наваждении, из-за которого моя жизнь сделалась непереносимой и которое заставило меня бояться *смерти* и потустороннего мира так же сильно, как я возненавидел посюсторонний.

Бартон повел затем рассказ о тех происшествиях, которые уже вам известны, и продолжил таким образом:

– Это стало делом обычным – привычкой. Я не имею в виду, что вижу его во плоти, – слава Богу, такое дозволяется не каждый день. Хвала Создателю, от *этого* ужаса мне милосердно даруется хотя бы отдых, раз уж не дано избавления. Но от сознания, что злобный дух повсюду меня преследует, мне не отделаться ни на минуту. Мне вослед несутся богохульства, крики отчаяния, на меня изливается отвратительная, безумная ненависть. Эти страшные звуки раздаются всякий раз, когда я заворачиваю за угол; эти выкрики доносятся до меня ночью, когда я сижу один в своей комнате; они преследуют меня повсюду, обвиняют в отвратительных преступлениях и – Боже милосердный! – грозят неминуемой мстью и вечными муками. Тсс... *Слышите?* – вскричал Бартон с жуткой торжествующей усмешкой. – Слушайте, слушайте, теперь-то вы мне верите?

К священнику подкрался леденящий ужас, когда в вое внезапно поднявшегося ветра он различил как будто приглушенные неясные восклицания, в которых угадывались ярость и злобная насмешка.

– Ну, что вы об *этом* думаете? – выкрикнул наконец Бартон, хватая ртом воздух.

– Я слышал шум ветра. Что же мне думать, ничего особенного в этом нет.

– «Князь, господствующий в воздухе», – пробормотал Бартон, содрогаясь.

– Ну-ну, дорогой сэр. – Ученый пытался ободрить сам себя, ибо даже сейчас, среди бела дня, в нервном возбуждении, жестоко терзавшем посетителя, с беспокойством ощущал что-то заразительное. – Вам не следует поддаваться этим диким фантазиям, сопротивляйтесь порывам воображения.

– Как же, «противостаньте дьяволу, и убежит от вас», – отозвался Бартон по-прежнему мрачно. – Но *как* сопротивляться? В этом вся трудность. Что... *что* мне делать? Что я *могу* сделать?

– Дорогой сэр, все это фантазии, – отвечал книжник, – вы терзаете сами себя.

– Нет-нет, сэр, с фантазиями это не имеет ничего общего, – возразил Бартон с оттенком суровости в голосе. – Эти адские звуки, которые и вы, точно так же как я, только что слышали, – фантазии? Как бы не так! Нет, нет.

– Но вы видели этого человека неоднократно. Почему вы не заговорили с ним, не задержали его? Не поторопились ли вы – если не сказать больше – предположить вмешательство сверхъестественных сил, в то время как все происшедшее поддается более простому объяснению, стоит только надлежащим образом поразмыслить?

– Есть некоторые обстоятельства, связанные с этим... этим *явлением*, – не стану объяснять, в чем они заключаются, но я вижу в них доказательства его зловещей природы. Я знаю: существо, которое меня преследует, – не человек. Говорю вам, я это *знаю* и мог бы вам доказать. – Бартон помолчал, а потом добавил: – А заговорить с ним я не решаюсь, не могу; при виде его я становлюсь беспомощен, сама смерть взирает на меня. Я оказываюсь пред лицом торжествующей адской силы, воплощенного зла. Решимость, чувства, память – все изменяет мне. О боже! Боюсь, сэр, вы сами не знаете, о чем говорите. Пощадите, силы небесные, сжальтесь надо мной!

Бартон оперся локтем о стол, прикрыл рукой глаза, словно заслоняясь от какого-то жуткого образа, и принялся вновь и вновь звать к небесам.

– Доктор ***, – сказал он, внезапно вставая и умоляюще глядя священнику прямо в глаза, – я уверен, вы сделаете для меня все, что только возможно. Вы знаете теперь о постигшем меня бедствии. Самому мне не спастись, у меня нет надежды, я совершенно бессилен. Заклинаю вас, обдумайте мою историю, и, если способна тут помочь чужая молитва, заступничество доброго человека или что-либо иное, на коленях именем Всевышнего прошу: протяните мне руку помощи перед лицом смерти. Вступитесь за меня, сжальтесь; я знаю, вы это сделаете, вы не сумеете мне отказать. Именно затем я и пришел сюда. Даруйте мне напоследок проблеск

– малейший проблеск – надежды, а я наберусь храбрости, чтобы выносить час за часом тот кошмар, в который превратилось мое существование.

Доктор *** заверил Бартона, что может только молиться за него от всего сердца и не преминет так и поступить. Их прощание было поспешным и грустным. Бартон быстро сел в ожидавшую его у дверей коляску, задернул шторы и двинулся в путь, а доктор *** вернулся в свою комнату, чтобы на досуге поразмыслить о странном разговоре, прервавшем его ученые штудии.

Глава VI

Новая встреча

Трудно было ожидать, что странная метаморфоза, приключившаяся с капитаном Бартоном, не сделается в итоге темой для пересудов. Теорий, объяснявших загадку, было выдвинуто несколько. Одни подозревали тайные денежные потери, другие – нежелание выполнять обязательства, принятые на себя, судя по всему, чересчур поспешно; наконец, третьи – зарождавшуюся душевную болезнь. Последняя гипотеза была признана наиболее вероятной и чаще других склонялась досужими языками.

Как бы ни были малозаметны поначалу признаки происшедшей перемены, от внимания мисс Монтегю они, разумеется, не ускользнули. Близкое общение с будущим мужем, а также естественный к нему интерес давали ей как повод, так и возможность пустить в ход свою пронырливость и наблюдательность – дары, особо характерные именно для женского пола.

Визиты жениха сделались со временем столь нерегулярными, а его рассеянность и беспокойство – столь заметными, что леди Л. после неоднократных намеков высказала наконец свое недоумение вслух и потребовала объяснений.

Объяснения были даны, и поначалу они развеяли худшие тревоги старой леди и ее племянницы, но, поразмыслив немного о вновь открывшихся странных обстоятельствах, которые поистине пагубным образом сказались на состоянии духа и даже рассудке несчастного, обе дамы растерялись.

Генерал Монтегю, отец молодой леди, наконец-то прибыл. Он был немного знаком с Бартоном лет десять-двенадцать тому назад, наслышан о его состоянии и связях и склонялся к тому, что Бартон – идеальная, в высшей степени желанная партия для его дочери. Выслушав рассказ о преследовавшем Бартона призраке, он рассмеялся и поспешил отправиться к предполагаемому зятю.

– Мой дорогой Бартон, – начал генерал весело после краткой беседы о том о сем, – сестра рассказывает, что вас гложет какой-то ни на что не похожий червячок.

Бартон переменялся в лице и глубоко вздохнул.

– Ну-ну, это уж никуда не годится, – продолжал генерал. – Вы смахиваете на человека, которого ждет виселица, а не алтарь. Этот червячок вам прямо-таки выел все нутро.

Бартон попытался перевести разговор на другую тему.

– Нет-нет, так не пойдет, – заявил гость со смехом, – раз уж я решил быть откровенным, то выскажу все, что думаю про эти ваши страсти-мордасти. Уж не сердитесь, но жалко смотреть, как вы в вашем возрасте до того запуганы, что сделали пай-мальчиком, словно ребенок, которого застращали букой. Да и было бы чего бояться, а то ведь смех один, как я слышал. В самом деле, когда мне об этом рассказали, я расстроился, но притом сразу понял, что стоит постараться, повести дело с толком, и за неделю, а то и скорее, все прояснится.

– Ах, генерал, вы не знаете... – начал Бартон.

– Знаю достаточно, чтобы не сомневаться в успехе, – прервал его старый вояка. – Я знаю, всем вашим неприятностям виной человек в шапке, пальто и красной фуфайке, со злобной физиономией, который вам по временам является, таскается за вами, набрасывается на вас на перекрестках и доводит до припадков. Так вот, дружище, я берусь поймать этого злосчастного фигляра и либо собственными руками сделаю из него котлету, либо не пройдет и месяца, как его протащат по городу за повозкой, избивая кнутом.

– Если бы вы знали то, что известно мне, – произнес Бартон мрачно и взволнованно, – вы бы так не говорили. Я не настолько слаб, чтобы выносить суждение при отсутствии неопровержимых доказательств. Эти доказательства заключены здесь, здесь. – Он похлопал себя по груди и с тяжким вздохом принялся ходить взад-вперед по комнате.

– Ну-ну, Бартон, что угодно готов прозакладывать, я в два счета поймаю этого призрака, и даже вам все станет ясно.

Генерал продолжал в том же духе, но внезапно вынужден был в испуге умолкнуть, когда Бартон, стоя у окна, отшатнулся, словно оглушенный ударом, и указал рукой на улицу. Лицо и даже губы Бартона побелели, он бормотал: «Там... Боже мой, там!»

Генерал Монтегю невольно вскочил на ноги и, выглянув в окно гостиной, увидел фигуру, в точности отвечавшую – насколько он успел рассмотреть – описанию того человека, который упорно являлся, чтобы мучить его друга.

Коротышка как раз отходил от ограды низкого дворика, на которую только что опирался. Старый джентльмен не задержался у окна, а схватил трость и шляпу и, пылая надеждой схватить таинственного незнакомца и наказать его за дерзость, сломя голову бросился вниз по лестнице.

На улице генерал осмотрелся, но человека, которого только что видел так отчетливо, не обнаружил. Пыхтя он помчался к ближайшему углу, где рассчитывал застигнуть удалявшуюся фигуру, но ничего похожего ему на глаза не попало. Он носился взад-вперед от одного перекрестка к другому, потеряв голову, пока любопытные взгляды и смеющиеся лица прохожих не подсказали ему, что поиски потеряли всякий смысл. Он резко остановился, опустил свою угрожающе поднятую в порыве ярости трость, поправил шляпу, принял спокойный вид и пошел назад, в глубине души разозленный и взбудораженный. Вернувшись, он обнаружил, что Бартон бледен и дрожит с головы до пят. Несколько секунд оба молчали, но каждый при этом думал о своем. Наконец Бартон прошептал:

– Вы это видели?

– *Это?* Ну да, его, то есть того самого... да, видел, – отвечал Монтегю с раздражением. – Но что толку? Он бежит быстрее ветра. Я хотел его *поймать*, но он смылся, не успев я еще добежать до двери. Но не важно, в следующий раз я наверняка успею, и, ей-богу, придется ему отведать моей трости.

Что бы ни предпринимал генерал Монтегю, как ни увещевал он будущего зятя, мучения Бартона продолжались, и все по той же необъяснимой причине: его повсюду преследовало, на каждом шагу подстерегало существо, возымевшее над ним столь страшную власть.

Нигде и никогда не был он в безопасности: отвратительное видение преследовало его с упорством поистине дьявольским.

Уныние и беспокойство с каждым днем овладевали Бартоном все больше. Беспрестанные душевные муки стали серьезно сказываться на его здоровье, и леди Л. и генерал Монтегю легко уговорили его предпринять короткую поездку на континент в надежде, что смена обстановки прервет цепь ассоциаций, связанных со знакомыми местами. Именно в этих ассоциациях, как предполагали те из друзей Бартона, кто с наибольшим скептицизмом относился к возможности сверхъестественного вмешательства, и крылась причина вновь и вновь возникавших нервных иллюзий.

Генерал же Монтегю не сомневался, что существо, являвшееся его будущему зятю, ни в коей мере не было плодом воображения, а напротив, состояло из плоти и крови и одушевлялось решимостью преследовать несчастного джентльмена, намереваясь, судя по всему, сжить его со света.

В этой гипотезе также не заключалось ничего приятного, но было ясно: если удастся убедить Бартона в том, что сверхъестественные, как он считал, феномены на самом деле таковыми не являются, происходящее не станет более наводить на него такой ужас и губительное воздействие на его душевное равновесие и здоровье прекратится. Если бы во время путешествия, с переменой обстановки досаждавшие Бартону явления исчезли, он мог бы сделать вывод, что они ничего сверхъестественного в себе не содержат.

Глава VII

Бегство

Сдавшись на уговоры, Бартон в обществе генерала Монтегю отправился из Дублина в Англию. В почтовой карете они быстро добрались до Лондона, а затем до Дувра, откуда с попутным ветром отплыли на пакетботе в Кале. С тех пор как они покинули берега Ирландии, генерал день ото дня все больше верил в благотворное воздействие поездки на душевное здоровье своего спутника: в пути Бартона, к несказанной его радости, ни разу не посещали прежние кошмары, из-за которых он постепенно погрузился в глубины отчаяния.

Настал конец мукам, от которых Бартон уже не чаял избавиться, и он вновь почувствовал себя в безопасности. Все это воодушевляло, и, наслаждаясь своим, как он полагал, избавлением, Бартон предавался счастливым мечтам о будущем, в которое еще недавно не решался заглядывать. Короче говоря, Бартон и его будущий тесть втайне уже поздравляли себя с тем, что о неотступном мучительном наваждении, преследовавшем капитана, можно теперь забыть.

Стоял прекрасный день, и на пристани столпилось множество зевак, пришедших поглазеть на суету, которая сопровождала прибытие пакетбота. Когда Монтегю, немного опередивший Бартона, пробирался сквозь толпу, какой-то небольшого роста человек тронул его за рукав и заговорил на диалекте:

– Месье слишком спешит; так он потеряет в толпе большого джентльмена, что идет следом. Ей-богу, бедный джентльмен вот-вот упадет без чувств.

Монтегю быстро обернулся и увидел, что Бартон и в самом деле смертельно бледен. Монтегю поспешил к нему.

– Дружище, вам нехорошо? – спросил встревоженный генерал.

Монтегю пришлось повторить этот вопрос не один раз, пока Бартон не выдал из себя:

– Я его видел... там... я видел его!

– *Ego?* Этого негодяя... Где он? – выкрикивал генерал, оглядывая толпу.

– Я его видел. Но его уже нет, – повторил Бартон слабым голосом.

– Но где... где вы его видели? Да говорите же, ради бога! – неистовствовал генерал.

– Только что... *здесь*, – последовал ответ.

– Но как он выглядит? Во что одет? Да быстрее же! – подгонял своего спутника взволнованный генерал, готовый молнией метнуться в толпу и схватить обидчика за шиворот.

– Он взял вас за руку, что-то шепнул и указал на меня. Господи, сжался надо мной, мне нет спасения. – В приглушенном голосе Бартона слышалось отчаяние.

Подстегиваемый надеждой и яростью, Монтегю уже ринулся в толпу, но, хотя необычное обличье незнакомца живо запечатлелось в его памяти, никого, хотя бы отдаленно похожего на эту странную фигуру, ему отыскать не удалось.

В бесплодных поисках генерал воспользовался помощью нескольких случайных свидетелей, полагавших, что речь идет об ограблении. Но и их усердие ни к чему не привело, и генерал, запыхавшийся и сбитый с толку, вынужден был в конце концов сдаться.

– Бесполезно, дорогой друг, – произнес Бартон слабым голосом. Бледный как полотно, он походил на человека, которому нанесли смертельный удар. – Его не одолеть. Кем бы он ни был, но страшные узы отныне приковали меня к нему... мне нет спасения... нет избавления во веки веков!

– Ерунда, мой дорогой Бартон, не говорите так, – возразил генерал, колеблясь между гневом и страхом. – Послушайте меня, не горюйте, мы еще схватим этого негодяя, немножко терпения, и дело в шляпе.

Однако с того дня не стоило и пытаться внушить Бартону хоть какую-нибудь надежду; он пал духом окончательно.

Неосязаемое, ничтожное, казалось бы, воздействие быстро лишало его жизненных сил, губило разум и здоровье. Он хотел теперь только одного – вернуться в Ирландию, где, как он полагал и почти надеялся, его ждала скорая смерть.

И вот он достиг Ирландии, но первым, что он увидел на берегу, снова было лицо его страшного, неумолимого преследователя. Не только радость жизни, не только упования покинули Бартона – он лишился также и свободы воли. Теперь все решали за него друзья, озабоченные его благополучием, а он только безропотно подчинялся.

Отчаявшийся и безвольный, он послушно проделывал все, что они советовали. А те придумали последнее средство: поселить Бартона в доме леди Л. вблизи Клонтарфа и поручить заботам врача. Врач, между прочим, упорно стоял на том, что вся история не более чем следствие нервной болезни. Было решено, что Бартон должен неотлучно находиться в доме, причем исключительно в тех комнатах, окна которых выходили во внутренний дворик, ворота же двора надлежало тщательно запирасть.

Указанные меры предосторожности были рассчитаны на то, чтобы в поле зрения капитана не попало случайно какое-нибудь постороннее живое существо; как полагали, в каждом встречном, имевшем хотя бы отдаленное сходство с тем образом, который нарисовало ему вначале воображение, Бартону мерещился его преследователь.

Месяц-другой полного затворничества, с соблюдением вышеописанных условий, и – как рассчитывали друзья – цепь кошмаров будет прервана, а затем рассеются постепенно и укоренившиеся в сознании больного страхи и ассоциации, которые питали болезнь и препятствовали излечению.

Самые радужные надежды связывались с жизнерадостной обстановкой и с неуспешными заботами друзей. Против такого средства и самая упорная ипохондрия устоять не способна.

И вот бедняга Бартон, не надеясь окончательно избавиться от ужаса, отравившего все его существование, поселился в обществе леди Л., генерала Монтегю и своей невесты в новых апартаментах, куда посторонний, которого он так страшился, ни под каким видом не мог проникнуть.

Вскоре неуклонное следование принятому образу действий дало плоды: медленно, но верно к больному стало возвращаться как телесное, так и душевное благополучие. Это не означало, однако, что дело двигалось к полному выздоровлению. Напротив, всякий, кто знал Бартона до его странной болезни, был бы потрясен происшедшей в нем переменой.

При всем том и незначительного улучшения было довольно, чтобы преисполнить благодарностью и восторгом доброжелателей Бартона, в особенности молодую леди, заслуживавшую, пожалуй, не меньшего сочувствия, чем он сам, – и за привязанность к нему, и за то двусмысленное положение, в котором она оказалась ввиду продолжительной болезни жениха.

Прошла неделя, две, месяц – ненавистный преследователь более не появлялся. Пока что лечение шло как нельзя более успешно. Цепь ассоциаций удалось прервать; груз, обременявший измученную душу, был снят, и при таких благоприятных обстоятельствах больной вновь ощутил себя членом человеческого сообщества и начал испытывать если не радость жизни, то хотя бы интерес к ней.

Именно в это время леди Л., владевшая, подобно большинству старых дам того времени, семейными рецептами и претендовавшая на немалые познания в медицине, послала свою горничную в огород, снабдив ее списком трав, которые надлежало со всем тщанием собрать и доставить хозяйке для известных этой последней надобностей. Горничная, однако, вскоре вернулась, переполошенная и испуганная, выполнив поручение едва ли наполовину. Оправдывая свое бегство и страх, она поведала вещи столь странные, что у старой леди голова пошла кругом.

Глава VIII

Умиротворенный

По словам горничной, она, выполняя поручение хозяйки, отправилась, куда ей было велено, и приступила к отбору трав из тех, что буйно разрослись в забытом уголке огорода. За этим приятным занятием она сама не заметила, как стала напевать одну старинную песенку, – «чтобы не соскучиться», как она пояснила. Вскоре, однако, ей пришлось умолкнуть, потому что послышался чей-то злобный смех. Она подняла глаза и через живую изгородь, окружавшую сад, увидела какого-то маленького человечка на редкость неприятного обличья. Незнакомец (в лице его читались злоба и ненависть) стоял напротив нее, по ту сторону кустов боярышника, которые ограждали сад.

Горничная рассказывала, что застыла на месте ни жива ни мертва, а человечек тем временем дал ей поручение к капитану Бартону. Как ей отчетливо вспоминалось, смысл сказанного сводился к следующему: пусть, дескать, капитан Бартон, как раньше, выходит погулять и покалякать с друзьями, в противном же случае дождется, что гости нагрянут прямо к нему.

В довершение всего незнакомец с угрожающим видом спустился в канаву, которая опоясывала изгородь снаружи, схватился за стволы боярышника и сделал вид, будто собирается пробраться через изгородь, – судя по всему, это не составило бы для него большого труда.

Девушка, конечно, не стала ожидать дальнейшего развития событий: уронив на землю свой драгоценный чабрец и розмарин, она сломя голову кинулась в дом. Леди Л. наказала ей под угрозой немедленного увольнения никому ни слова не говорить о происшедшем, а сама тем временем разослала слуг на поиски незнакомца. Обыскали сад и близлежащие поля, но, как обычно, безуспешно. Охваченная дурными предчувствиями, леди Л. рассказала о случившемся брату. Эта история долгое время хранилась в тайне – в особенности, разумеется, от Бартона, чье здоровье медленно, но верно шло на поправку.

Между тем Бартон начал иногда прогуливаться во дворе, упомянутом мною выше. Двор был обнесен сплошной высокой стеной, полностью скрывавшей от глаз улицу. Бартон чувствовал себя здесь в безопасности и мог бы и дольше наслаждаться покоем, если бы один из конюхов не ослушался по беспечности хозяйских распоряжений. Двор сообщался с улицей через деревянные ворота, в которых имелась калитка. С внешней стороны их защищала железная решетка. Было дано строжайшее указание тщательно запирать оба замка. Несмотря на это, однажды, когда Бартон, как обычно, медленно мерил шагами тесный двор и собирался, упершись в стену, повернуть назад, он увидел, что деревянная калитка распахнута настежь, а через железную решетку на него неотрывно смотрят глаза его мучителя. Несколько секунд он стоял неподвижно – онемевший и бледный – под чарами этого ужасного взгляда, а потом без чувств рухнул на плиты двора.

Там его вскоре и нашли, а затем отнесли в комнату, которую ему не суждено уже было покинуть живым. С тех пор в его характере произошла разительная и необъяснимая перемена. Новый капитан Бартон не походил на прежнего, возбужденного, впавшего в отчаяние; да, произошла странная метаморфоза: в душе Бартона воцарилось непонятное умиротворение, предвестие могильного покоя.

– Монтегю, друг мой, борьба уже близится к концу, – сказал Бартон невозмутимым тоном, но с благоговейным страхом в недвижном взоре. – Мир духов, до сих пор каравший меня, дарует мне ныне малую толику утешения. Теперь я знаю – избавление не за горами.

Монтегю попросил его продолжать.

– Да, – произнес Бартон кротким голосом, – срок искупления почти уже истек. Скорбь моя, вероятно, пребудет со мною вечно, но *муки* прекратятся очень скоро. Мне даровано уте-

шение, и все превратности, что еще выпадут на мою долю, я снесу с покорностью, более того – с надеждой.

– Мне радостно слышать, дорогой Бартон, такие благостные речи, – отозвался Монтегю, – спокойствие и веселость как раз и требуются, чтобы воспрянуть духом.

– Нет-нет, этому не бывать, – последовал печальный ответ, – к жизни мне уже не возродиться. Я скоро умру. Мне предстоит еще один лишь раз увидеть его, и все будет кончено.

– Это он вам так сказал?

– Он? Нет-нет, ему ли приносить мне хорошие известия, а это весть добрая и желанная. Как величаво и мелодично она прозвучала, с какой непередаваемой любовью и печалью! Но об этом я умолчу, чтобы не сказать лишнего о событиях и людях недавнего прошлого. – Бартон говорил, а по щекам его катились слезы.

– Ну-ну, – произнес Монтегю, не звавший истинной причины волнения Бартона, – не стоит отчаиваться. Ведь дело выведенного яйца не стоит: причудилась раз-другой какая-то ерунда, или, на худой конец, вмешался какой-то хитрый негодяй, который упивается своей властью над вами и любит ее испытывать: подлый мошенник на вас обозлился и сводит счеты таким образом, не осмеливаясь действовать как подобает мужчине.

– Обозлился... Да, так оно и есть, – Бартон внезапно задрожал всем телом, – именно обозлился, как вы говорите, и не зря. О боже! Когда при попущении Божественного правосудия воздаяние измышляет враг рода человеческого, когда он вкладывает карающий меч в руки существа потеряннго, жертвы греха, когда этот последний своей гибелью обязан именно тому, кто ныне отдан ему во власть, – тогда воистину муки и мытарства ада можно изведать здесь, на земле. Однако небеса сжалились надо мной: у меня наконец появилась надежда, и если в смертный час я буду избавлен от того ужасающего образа, который обречен видеть вседневно, то закрою глаза с радостью в душе. Но хотя смерть для меня желанная гостья, меня охватывает неизъяснимый страх, панический ужас, когда я думаю о последней встрече с этим... этим демоном, который привел меня на край бездны и готовится столкнуть вниз. Мне предстоит увидеть его еще раз, и заключительная встреча будет самой страшной из всех.

Когда Бартон произносил эти слова, его была такая сильная дрожь, что Монтегю при виде столь внезапного и крайнего смятения встревожился и поспешил перевести разговор на прежнюю тему, оказавшую на больной рассудок его друга успокоительное действие.

– Это был не сон, – сказал Бартон, немного помолчав, – это было какое-то иное состояние. Окружающая обстановка, при всей ее непривычности и странности, выглядела так же ясно и живо, как то, что мы видим сейчас. Это была реальность.

– И что же вам явилось? – последовал нетерпеливый вопрос.

– Я медленно, очень медленно приходил в сознание после обморока (это произошло, когда мне попался на глаза он), – продолжал Бартон, словно не слыша собеседника. – Оказалось, что я лежу на берегу большого озера, вдаль со всех сторон виднеются окутанные туманом холмы, и все вокруг залито нежным розовым светом. Это было зрелище, исполненное необычайной печали и одиночества, но подобной красоты мне не доводилось видеть нигде. Моя голова покоилась на коленях какой-то девушки, и та пела песню, в которой – то ли словами, то ли мелодией – говорилось обо всей моей жизни: о прошедшем, равно как и о будущем. Во мне пробудились давно забытые чувства, и из глаз моих полились слезы; виной тому были и таинственная красота песни, и неземная нежность голоса. А ведь мне был знаком этот голос – о, как он мне запомнился! Скованный чарами, я слушал и наблюдал, не шевелясь и едва дыша, и – увы! – не догадывался перевести взгляд с дальних предметов на близкие: столь прочно, хотя и нежно завладело мной волшебство. А потом и песня, и пейзаж стали медленно растворяться в воздухе, пока вновь не воцарились темнота и безмолвие. Вслед за тем я вернулся в здешний мир, приободрившись (вы это заметили), ибо многое мне простилось. – Бартон снова залился слезами и плакал долго и горько.

С того дня, как мы уже говорили, Бартон почти безраздельно предался глубокой и спокойной печали. Но время от времени спокойствие изменяло ему. Бартон, нимало не сомневаясь, ожидал еще одной, последней встречи со своим преследователем, причем столь ужасной, что она затмит все предыдущие. Предвидя будущие несказанные муки, он неоднократно впадал в такие пароксизмы самого жалкого страха и отчаяния, что всех домашних охватывал суевверный ужас. Даже те из них, кто вслух отрицал возможность вмешательства потусторонних сил, среди ночного безмолвия нередко отдавали тайную дань малодушию, и никто не сделал попытки отговорить Бартона, когда тот принял (и стал неукоснительно выполнять) решение затвориться отныне в своей комнате. Шторы здесь были всегда тщательно задернуты; почти неотлучно, день и ночь, при Бартоне находился слуга: даже кровать его помещалась в комнате хозяина.

На этого человека, преданного и достойного доверия, в дополнение к обычным обязанностям слуги – необременительным, так как Бартон не любил пользоваться посторонней помощью, – возлагалась также задача следить за соблюдением тех простых мер предосторожности, благодаря которым его хозяин надеялся обезопасить себя от «Наблюдателя». Кроме упомянутых мер, сводившихся в первую очередь к тому, чтобы тщательно закрывать двери и задерживать шторы на окнах, дабы хозяин не подвергся зловредному воздействию извне, слуге было вменено в обязанность ни в коем случае не оставлять хозяина одного, ибо мысль о полном одиночестве, пусть даже кратковременном, сделалась для Бартона столь же невыносимой, сколь и идея отказаться от затворничества и вернуться к светской жизни. Бартон инстинктивно предчувствовал событие, которому суждено было свершиться в скором времени.

Глава IX

Requiescat³

Не знаю, нужно ли говорить, что в сложившихся обстоятельствах о выполнении матримонийных обязательств речь не заходила. Между молодой леди и Бартоном существовала слишком большая разница в годах и, конечно, в привычках, чтобы ожидать от невесты бурной страсти или нежных чувств. Да, она была опечалена и встревожена, но сердце ее отнюдь не было разбито.

Как бы то ни было, мисс Монтегю посвятила немало времени и терпения безуспешным попыткам подбодрить несчастного больного. Она читала ему вслух, вела разговоры, но было очевидно, что все его усилия, все старания вырваться из цепких когтей страха совершенно бесплодны.

Молодые дамы обычно с большой благосклонностью относятся к домашним животным. В число любимцев мисс Монтегю входила красивая старая сова, которую в свое время садовник поймал в плюще, обвивавшем развалины конюшни, и почтительно преподнес юной госпоже.

При выборе фаворита люди руководствуются не разумом, а капризом. Примером тому может послужить нелепое предпочтение, которого с первого же дня удостоила зловещую и несимпатичную птицу ее хозяйка. Эту маленькую причуду мисс Монтегю не стоило бы и упоминать, если бы не роль, которую она, как ни странно, сыграла в заключительной сцене моей истории.

Бартон, дотоле разделявший пристрастия своей невесты, с первого дня проникся к ее любимце отвращением столь же яростным, сколь и необъяснимым. Ему нестерпимо было находиться с совой в одной комнате. Он ненавидел и боялся ее со страстью поистине смешной. Людям, не знакомым с подобными чувствами, эта антипатия покажется невероятной.

Дав таким образом предварительные пояснения, я начну в подробностях описывать заключительную сцену, последнюю в ряду странных событий. Однажды зимой, ночью, когда стрелки часов близились к двум, Бартон, как обычно в это время суток, лежал в постели. Слуга, упомянутый нами выше, занимал кровать поменьше в той же комнате; спальня была освещена. И вот слугу внезапно разбудил голос хозяина:

– Никак не могу выбросить из головы проклятую птицу, все кажется, что она выбралась на свободу и прячется где-то здесь, в углу. Она мне только что приснилась. Вставай, Смит, поищи ее. Не сон, а настоящий кошмар!

Слуга поднялся с постели и стал осматривать комнату. Вскоре ему почудились хорошо знакомые звуки, более походившие на хрип, чем на птичий посвист. Именно такими звуками совы, притаившись где-нибудь, спугивают ночное безмолвие.

Уверившись в близости ненавистного хозяину создания (звук доносился из коридора, куда выходила комната Бартона), слуга понял, где продолжать поиски. Он приотворил дверь и шагнул за порог, намереваясь прогнать птицу. Но стоило ему отойти от двери, как та потихоньку захлопнулась, видимо под действием легкого сквозняка. Вверху, однако, находилось окошечко, пропускавшее в коридор свет, и, поскольку в комнате горела свеча, слуге не пришлось блуждать в потемках.

В коридоре он услышал, что хозяин зовет его (очевидно, тот, лежа в постели с задернутым пологом, не заметил, как слуга вышел) и велит поставить свечу на столик у кровати. Слуга был уже довольно далеко и потому, чтобы не разбудить домашних, молча поспешил обратно, стараясь ступать бесшумно. И вдруг, к своему изумлению, он услышал, как чей-то спокойный

³ Да покоится в мире (лат.).

голос откликнулся на зов. Взглянув на окошко над дверью, слуга обнаружил, что источник света медленно перемещается, словно в ответ на приказание хозяина.

Парализованный страхом, к которому примешивалось любопытство, слуга стоял у порога ни жив ни мертв, не решаясь открыть дверь и войти. Послышалось шуршание полога, тихий голос, словно бы баюкавший ребенка, и тут же прерывистые восклицания Бартона: «Боже! Боже мой!» – и так несколько раз. Наступила тишина, потом ее вновь прервал убаюкивающий голос, и наконец раздался жуткий душераздирающий вопль, исполненный предсмертной тоски. В неопишемом ужасе слуга бросился к двери и налег на нее всем телом. Но то ли он в волнении неправильно повернул ручку, то ли дверь действительно была заперта изнутри, – так или иначе, войти ему не удавалось. Он тянул и толкал, а в комнате все громче и неистовей повторялись вопли, сопровождавшиеся теми же приглушенными звуками.

Похолодевший от страха, едва созная, что делает, слуга помчался по коридору прочь. На верхней площадке лестницы он наткнулся на перепуганного генерала Монтегю. Едва они встретились, жуткие крики стихли.

– Что это? Кто... где твой хозяин? – бессвязно восклицал Монтегю. – Что, что там... Ради бога, что случилось?

– Боже милосердный, все кончено, – проговорил слуга, кивая в сторону комнаты хозяина. – Он мертв, сэр, ручаюсь, что он умер.

Не дожидаясь дальнейших объяснений, Монтегю поспешил к комнате Бартона. Слуга следовал за ним по пятам. Монтегю повернул ручку, и дверь отворилась. Тут же, издав протяжный потусторонний крик, внезапно сорвалась с дальнего конца кровати зловещая птица, за которой охотился слуга. Она едва не задела в дверном проеме генерала и его спутника, по дороге загасила свечу в руках Монтегю и, пробив слуховое окно, растворилась в окружающей тьме.

– Вот она где, господи помилуй, – шепнул слуга, прервав напряженное молчание.

– Черт бы побрал эту птицу, – пробормотал Монтегю, не сумевший скрыть свой испуг при внезапном появлении совы.

– Свеча не на месте, – заметил слуга после еще одной паузы, указывая на горящую свечу. – Смотрите, ее кто-то поставил рядом с кроватью.

– Отдерни-ка полог, приятель, нечего попусту стоять и глазеть. – Голос генерала звучал тихо, но сурово.

Слуга замешкался в нерешительности.

– Тогда поддержи, – сказал Монтегю, торопливо сунув ему в руку подсвечник, приблизился к кровати и сам откинул полог. Свет упал на бесформенную фигуру, полусидевшую за изголовье. Несчастный откинулся назад, стараясь, казалось, вжаться в стенную панель; руки его все еще цеплялись за одеяло.

– Бартон, Бартон, *Бартон!* – Голос генерала прерывался от волнения, к которому примешивался благоговейный трепет. Генерал взял свечу и поднес ее к лицу Бартона, застывшему и побелевшему. Челюсть Бартона отвисла, открытые глаза незряче вперились в пространство.

– Боже всемогущий, он мертв! – вырвалось у генерала при виде этого страшного зрелища. Минуту-другую оба стояли молча.

– И уже похолодел, – шепнул Монтегю, потрогав руку мертвеца.

– Смотрите, смотрите, сэр, – содрогаясь, прервал слуга вновь наступившее молчание, – чтоб мне провалиться, что-то лежало здесь, у него в ногах! Вот здесь, сэр, здесь.

Он указывал на глубокую вмятину в постели – по-видимому, след от какого-то тяжелого предмета.

Монтегю безмолвствовал.

– Пойдемте отсюда, сэр, ради бога, пойдемте, – прошептал слуга, схватив генерала за рукав и испуганно осматриваясь. – Ему уже ничем не поможешь. Пойдемте, бога ради!

Тут же слышались шаги: к комнате приближалось несколько человек. Монтегю поспешно приказал слуге остановить их, а сам попытался высвободить из мертвой хватки покойника одеяло и по возможности придать жуткой фигуре лежащее положение. Затем он, тщательно задернув полог, вышел навстречу домашним.

Вряд ли имеет смысл проследить дальнейшую судьбу второстепенных персонажей моего повествования; достаточно сказать, что ключа к разгадке таинственных событий сыскать так и не удалось. Ныне, когда утекло уже немало воды после завершающего эпизода этой странной и необъяснимой истории, трудно надеяться, что время прольет на нее новый свет. Пока не наступит день, когда на земле не останется более ничего сокровенного, она пребудет под покровом неизвестности.

В прошлой жизни капитана Бартона обнаружилось лишь одно происшествие, которое молва связала с муками, пережитыми им в его последние дни. Он и сам, судя по всему, рассматривал случившееся с ним как кару за некий совершенный в свое время тяжкий грех. Об упомянутом событии стало известно, когда со дня смерти Бартона прошло уже несколько лет. При этом родственникам Бартона пришлось пережить немало неприятных минут, а на его собственное доброе имя была брошена тень.

Оказалось, что лет за шесть до возвращения в Дублин капитан Бартон, будучи в Плимуте, вступил в незаконную связь с дочерью одного из членов своей команды. Отец сурово – более того, жестоко – наказал несчастное дитя за слабость. Рассказывали, что девушка умерла от горя. Догадываясь, что Бартон был соучастником ее греха, отец стал вести себя по отношению к нему подчеркнуто дерзко. Возмущенный этим, а главное, безжалостным обхождением с несчастной девушкой, Бартон неоднократно пускал в ход те непомерно жестокие меры поддержания дисциплины, какие дозволяются военно-морским уставом. Когда судно стояло в неаполитанском порту, моряку удалось бежать, но вскоре, как рассказывали, он умер в городском госпитале от ран, полученных во время очередной кровавой экзекуции.

Связаны эти события с дальнейшей судьбой капитана Бартона или нет, сказать не берусь. Однако весьма вероятно, что сам Бартон такую связь усматривал. Но чем бы ни объяснялось таинственное преследование, которому он подвергся, в одном сомневаться не приходится: что за силы здесь замешаны, никому не дано узнать вплоть до Судного дня.

Постскриптум издателя

Приведенный выше текст является *ipsissima verba*⁴ рассказа добрейшего старого священника, за подписью которого он и поступил доктору Хесселиусу. Порой он скован, порой многословен, однако, как мне показалось, будет лучше, если я сохраню за собой право уверить читателя в том, что, отдавая в печать манускрипт столь поразительного содержания, издатель не изменил в нем ни единого слова. [*Опубликованные бумаги доктора Хесселиуса*].

⁴ Дословным повторением (*лат.*).

Судья Харботтл

Пролог

Отчет о данном случае доктор Хесселиус сопроводил единственной надписью: «Сообщение Хармана» – и простой ссылкой на свой выдающийся труд – эссе «О внутреннем восприятии и условиях его раскрытия».

Ссылка указывает на том I, раздел 317, примечание Z^a. В этом примечании говорится: «О поразительной истории достойного судьи Харботтла повествуют два источника: сообщение, полученное мной от миссис Триммер из Танбридж-Уэллса, датированное июнем 1805 года, и значительно более поздний рассказ Энтони Хармана, эсквайра. Я решительно предпочитаю первый: прежде всего, он подробнее, взвешеннее и, как мне кажется, выдает большую осведомленность; кроме того, в него вставлены письма доктора Хедстоуна – ценнейший материал, помогающий лучше разобраться в природе данного случая. Из всех известных мне примеров открытия внутреннего восприятия лишь очень немногие задокументированы столь же надежно. К тому же данный случай сопровождался феноменом, который встречается настолько часто, что можно говорить о нем как о законе, определяющем подобные странные явления; то есть мы убеждаемся в очередной раз, что подобное вторжение мира духовного в мир обычный бывает, я бы сказал, заразительным. Едва воздействие духовного мира коснулось одного пациента, как возникшая энергия начала распространяться во все стороны, в разной степени влияя на прочих. Раскрылось внутреннее зрение у ребенка, и то же произошло с матерью, миссис Пайнвек, а у судомойки прорезался еще и внутренний слух. Последующие явления объясняются законом, который описан в томе II, разделы с 17-го по 49-й. Возникает связующий центр, который соединяет – или иногда воссоединяет – нескольких субъектов; насколько долго он может существовать, указано, как мы видим, в разделе 37. *Максимум* составляет несколько дней, *минимум* – какие-то секунды. Действие этого закона наглядно проявляется в некоторых случаях помешательства, падучей, каталепсии, а также одержимости – необычных и мучительных, однако не влекущих за собой потерю дееспособности».

Сообщение миссис Триммер из Танбридж-Уэллса, которое доктор Хесселиус считает лучшим из двух источников, описывающих случай судьи Харботтла, я не смог найти в его бумагах. В письменном столе обнаружилась, правда, записка, согласно которой письмо миссис Триммер было отдано на время доктору Ф. Хейну. К этому высокоученому джентльмену я, соответственно, и обратился, и получил ответ, содержащий многократные уверения в том, что корреспондент встревожен и огорчен возможной пропажей столь «ценного манускрипта», а также давнюю записку доктора Хесселиуса, которая полностью снимала ответственность с его коллеги, поскольку бумаги были благополучно возвращены владельцу. Таким образом, мне остается удовольствоваться для данного сборника только рассказом мистера Хармана. У покойного доктора Хесселиуса в том же примечании, которое я ранее цитировал, сказано: «Что касается фактов, не имеющих отношения к медицине, версия мистера Хармана в точности соответствует версии миссис Триммер». Сугубо научная сторона данного случая едва ли будет интересна рядовому читателю, и не исключая, что, даже имея под рукой оба рассказа, я отдал бы предпочтение варианту мистера Хармана, который и приведен полностью на нижеследующих страницах.

Глава I

Дом судьи

Три десятка лет тому назад один старик, которому я ежеквартально платил небольшую ренту с какой-то своей недвижимости, в очередной раз пришел ко мне за деньгами. Вел он себя сухо и сдержанно, имел печальный вид человека, знавшего лучшие дни, и держался во всех отношениях достойно. Именно таким людям мы больше всего доверяем, когда слышим истории о привидениях.

И подобную историю он мне, пусть с заметной неохотой, и поведал; началось с того, что он счел нужным объяснить обстоятельство, на которое я иначе не обратил бы внимания: обычно он являлся через неделю после назначенной даты платежа, и теперь пришел через пять дней. Причиной было его внезапное решение сменить жилье, отчего ему пришлось чуть раньше внести за него плату.

Жил он на сумрачной улице в Вестминстере, в просторном старом доме, очень теплом, потому что стены были сплошь одеты панелями, количество окон не превышало необходимое, ставни были плотные, а переплеты частые.

На окнах висели объявления, что дом продается или сдается внаем. Но ими, похоже, никто не интересовался.

Заведовала им сухошавая смотрительница в порыжевших черных шелках, которая все больше молчала и всматривалась в тебя большими тревожными глазами, словно пытаясь прочитать, что ты заметил, проходя по темным комнатам и коридорам; под ее началом состояла лишь одна служанка «на все руки». Мой бедный знакомец предпочел поселиться в этом доме из-за поразительно низкой платы. Он прожил там почти год единственным квартирантом, и его покой ничто не нарушало. В его распоряжении было две комнаты: гостиная и спальня с чуланом, где он хранил под замком свои книги и бумаги. Однажды жилец, заперев еще и входную дверь, улегся в постель. Ему не спалось, он зажег свечу, немного почитал и затем отложил книгу. Старинные часы на верхней площадке лестницы пробили один раз, и тут же, к испугу жильца, дверь чулана, которую он вроде бы запер, тихонько открылась и в комнату вошел на цыпочках мрачного вида незнакомец лет пятидесяти – худой, темноволосый, в траурном одеянии давно устаревшего фасона, какие встречаются на гравюрах Хогарта. За ним следовал тучный старик с испещренной бурыми пятнами кожей, черты которого, застывшие, как у трупа, недвусмысленно выдавали плотоядную, исполненную злобных страстей натуру.

Помимо халата из травчатого шелка и кружевных гофрированных манжет, жилец приметил золотое кольцо, украшавшее палец старика, и бархатную шапочку, какие в век париков джентльмены носили дома.

В убранной золотом и кружевом руке зловещего старика виднелась свернутая веревка. Из дальнего левого угла комнаты, где находилась по соседству с окном чуланная дверь, оба незнакомца двинулись наискосок к двери в коридор, миновав по пути сначала изножье кровати, а потом едва не задев правым боком изголовье.

Что испытал мой собеседник, наблюдая эти фигуры с близкого расстояния, он мне не поведал. Сказал лишь, что не помышляет отныне не только ночевать в этой комнате, но и пересекать ее порог в одиночку даже при свете дня. Утром он убедился, что обе двери – и чуланная, и коридорная – надежно заперты, как было, когда он ложился в постель.

В ответ на мой вопрос собеседник уверил, что, судя по всему, ночные посетители его не замечали. Они не скользили по воздуху, а ступали, как живые люди, но только беззвучно, и он ощутил, как дрожит под их шагами пол. Разговор о призраках явно был ему в тягость, и я прекратил расспросы.

Однако в его истории я заметил такие странные совпадения, что решил той же почтой отправить письмо одному своему другу, много меня старше, жившему тогда в отдаленном уголке страны, поскольку, как я знал, он располагал нужными мне сведениями. Он сам неоднократно обращал мое внимание на этот старый дом и рассказал вкратце его странную историю, теперь же я просил изложить ее подробней.

Мое любопытство было удовлетворено; воспроизведу ниже в основных чертах содержание его ответного письма.

Из Вашего послания (писал мой друг) я понял, что Вы хотите знать подробности о поздних годах жизни мистера Харботтла, одного из судей суда общих тяжб. Несомненно, Вы имеете в виду тот поразительный период его биографии, который надолго сделался предметом всевозможных «зимних сказок» и метафизических спекуляций. По случайности мне об этой загадочной истории известно больше, чем кому-либо другому.

В последний раз я осматривал это старинное фамильное гнездо более трех десятков лет назад, во время своего очередного приезда в Лондон. Как я слышал, за прошедшие годы та часть Вестминстера была существенно благоустроена, для чего многие сооружения предварительно пришлось снести. Будь я уверен, что этого дома больше не существует, ничто не помешало бы мне назвать улицу, где он стоял. Дальнейший рассказ может сказаться на стоимости его аренды, поэтому во избежание неприятностей мне лучше будет утаить эти сведения.

Как давно было возведено здание, я сказать не могу. Его относят к времени правления Якова I и строителем называют Роджера Харботтла, который занимался торговлей с Турцией. Я плохо разбираюсь в этих делах, но, поскольку все же побывал в доме, пусть и в период упадка и запустения, могу описать в общих чертах, что он собой представлял. Он был построен из темно-красного кирпича, дверной и оконные проемы отделаны пожелтевшим от старости камнем. Фасад на несколько футов отступал в глубину от общей линии, широкая лестница вела меж затейливых чугунных перил к двери, на которой под рядом светильников, среди завитков и узорных листьев, красовались две гигантские «гасилки», похожие на конические колпачки фейри, – в старину ими пользовались, чтобы потушить факел, лакеи, высадившие господ из портшеза или коляски у крыльца. Холл, с большим камином, был до самого потолка обшит панелями. С каждой стороны помещались две или три нарядные комнаты со старомодной обстановкой. Окна в них были высокие, с частым переплетом. За аркой в конце холла вы попадали на парадную лестницу – широкую и основательную. Имелась и черная лестница. Общая площадь окон, по современным меркам, была недостаточной для освещения такого большого здания. Когда я его впервые увидел, он уже долго пустовал и, помимо того, имел мрачную репутацию дома с привидениями. На потолках, по углам карнизов висела паутина, всюду лежал толстый слой пыли. К оконным стеклам в дождевых разводах и пыли уже полвека никто не притрагивался, и оттого сумрак внутри еще больше сгустился.

Впервые меня привел в особняк мой отец в 1808 году. Мне было тогда около двенадцати лет, и, как все дети этого возраста, я обладал впечатлительным воображением. Я озирался по сторонам, и сердце мое трепетало. Мы находились на месте тех самых событий, о которых я со сладостным ужасом слушал дома рассказы у камелька.

Мой отец, долго проживший холостяком, вступил в брак уже на пороге седьмого десятка. Ребенком он не меньше десяти раз видел мистера Харботтла в судейском кресле, при мантии и парике. Было это незадолго до смерти судьи, случившейся в 1748 году, и его внешность глубоко и неприятно подействовала не только на воображение, но и на нервы отца.

Судья к тому времени достиг возраста примерно шестидесяти семи лет. У него было широкое багровое лицо с большим угреватым носом, пронзительные, яростные глазки и безжалостно-суровая линия рта. Мой в ту пору юный отец подумал, что в жизни еще не видывал лица внушительнее, тем более что в очертаниях лба прослеживалась недюжинная сила ума. В

громком резком голосе постоянно звучали нотки сарказма – излюбленного оружия Харботтла во время судебных заседаний.

За старым джентльменом закрепились репутация первейшего в Англии злодея. Даже в суде он позволял себе насмешничать и глумиться над окружающими. Рассказывали, что процессы он проводил, как ему вздумается, без оглядки на адвокатов, представителей власти и даже присяжных; лесть, угрозы, ложь – все это помогало ему сбивать людей с толку и подчинять себе. Он был слишком хитер, чтобы нарушать букву закона, однако же его боялись и считали человеком бессовестным, что судью нисколько не волновало. Тем, кто разделял его досуги, это тоже было безразлично.

Глава II

Мистер Питерс

Однажды вечером, в парламентскую сессию 1746 года, старик-судья отправился в портшезе в палату лордов, чтобы подождать там результатов голосования, важного для него самого и для всего судейского сословия.

Получив нужные сведения, он собрался было подобным же образом вернуться в свой дом, расположенный поблизости, однако вечер был настолько погожий, что судья передумал, велел отнести портшез домой, а сам в сопровождении двоих лакеев с факелами отправился пешком. Ходок из него был неважный – мешала подагра. От дома его отделяли две или три улицы, и этот путь он прошел не быстро.

Следуя по одной из тесных, с высокими домами, улочек, где в этот поздний час царила полная тишина, судья обогнал старого джентльмена, который передвигался еще медленнее его и выглядел весьма необычно.

Кроме бутыльно-зеленого кафтана и плаща с капюшоном, бросались в глаза крупные пуговицы из камня и широкополая, с низкой тульей, шляпа, из-под которой виднелся большой пудренный парик. Сильно сутулясь и опираясь на клюку, прохожий еле-еле ковылял на шатких ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.